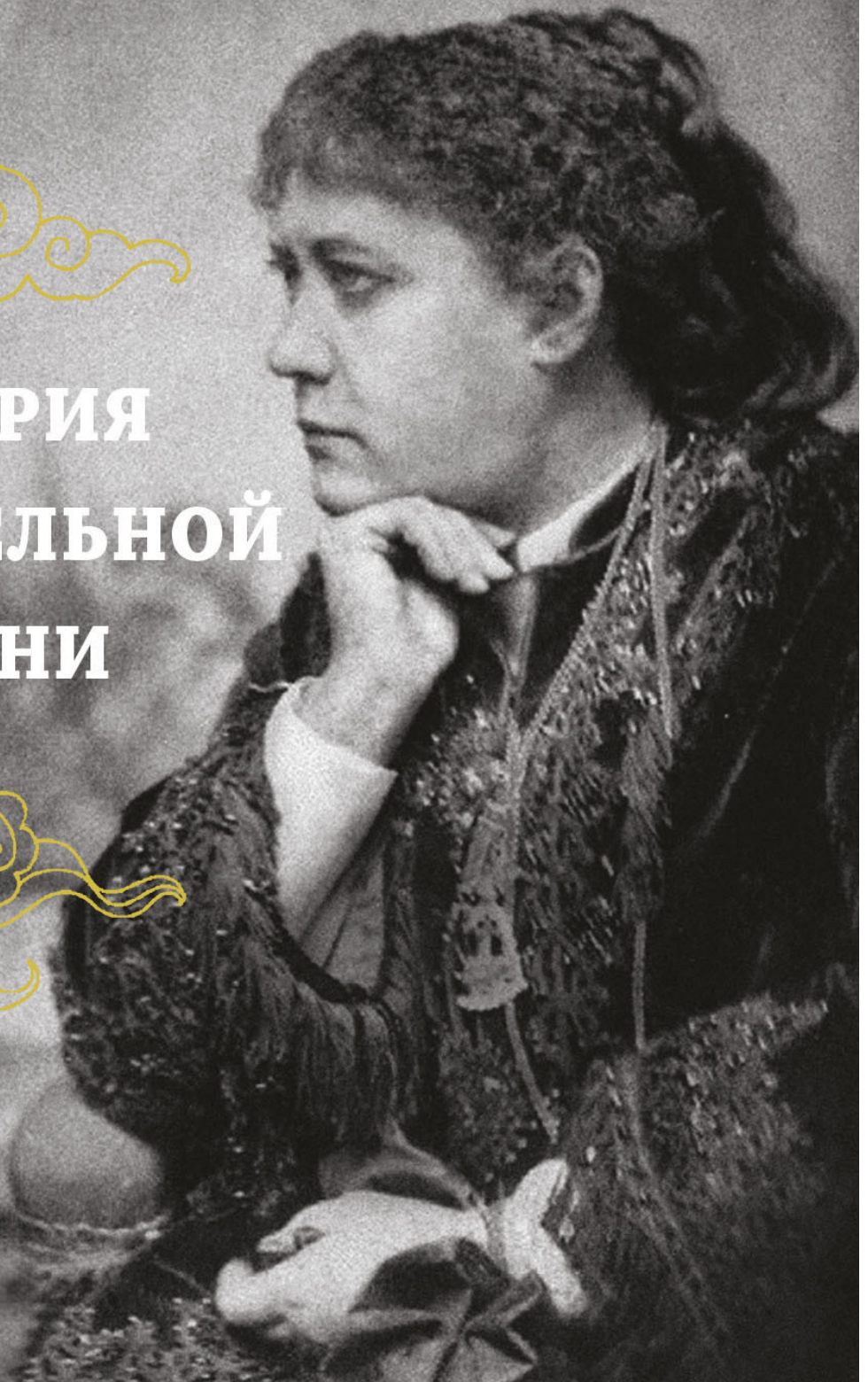

СИЛЬВИЯ КРЭНСТОН

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

**ИСТОРИЯ
УДИВИТЕЛЬНОЙ
ЖИЗНИ**

Сильвия Крэнстон

**Е. П. Блаватская. История
удивительной жизни**

«ЭКСМО»

2021

УДК 141.339
ББК 86.42

Крэнстон С.

Е. П. Блаватская. История удивительной жизни / С. Крэнстон —
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-161038-8

Книга, которую вы держите в руках, посвящённая 130-летию со дня смерти Е.П. Блаватской и 190-летию со дня её рождения, – первая биография подобного масштаба. В отличие от остальных своих предшественников Сильвия Крэнстон описывает и жизнь, и учение Блаватской, поскольку их следует рассматривать неразрывно друг от друга. Работая над этой книгой, автор изучила все труды и статьи Блаватской, объёмом около 10 000 страниц. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 141.339

ББК 86.42

ISBN 978-5-04-161038-8

© Крэнстон С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	22
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	41
Часть 2	44
Глава 1	44
Глава 2	49
Глава 3	52
Глава 4	57
Глава 5	59
Часть 3	63
Глава 1	63
Глава 2	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сильвия Крэнстон
Е. П. Блаватская
История удивительной жизни

Всем моим друзьям, близким и далёким, которые помогли мне в работе над этой книгой.

Sylvia Cranston
H.P.B. The Extraordinary Life, Influence of Helena Blavatsky Founder of the Modern Theosophical Movement

* * *

(Golden Apple Publications Logo provided by the Proprietor)

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Голубовская Е., перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Предисловие

Сто лет назад одна из ведущих нью-йоркских газет, «Сан», опубликовала воспоминания о жизни Елены Блаватской, начинавшиеся словами: «Женщина, которая по той или иной причине заставила весь мир – сперва крохотный мирок своего детства, а затем и весь земной шар – говорить и спорить о ней, защищать и критиковать её характер и стремления, поддерживать её дело или противостоять ему всеми силами, смерть которой вызвала такую лавину телеграмм между двумя континентами, как будто бы скончался император, – такая женщина, должно быть, и вправду была незаурядной личностью»¹.

В специальном выпуске издания «Рикка» (зима, 1978 г.), посвящённом выдающимся женщинам, профессор Поль Вайнцвайг описал Елену Блаватскую как

«чрезвычайно образованную женщину, воплощение идеала эпохи Возрождения. В ней удивительным образом сочетались таланты учёного, поэта, пианиста, художника, философа, писателя, просветителя и, прежде всего, – неутомимого воина света... В своём стремлении к истине и установлению всеобщего братства Е. П. Блаватской не раз пришлось столкнуться с врагами и недоброжелателями. Ей, как никому другому, удалось изрядно потрепать религиозные предрассудки, спиритическое шарлатанство и интеллектуальную напыщенность, свойственные девятнадцатому веку. Потому вполне естественно, что злопыхатели приписывали ей все те качества, против которых она боролась почти в одиночку – с силой, грацией и дерзким юмором Гаргантюа».

Чарльз Джонстон, преподаватель санскрита в Колумбийском университете, отзывался о ней совсем по-другому:

С самой первой встречи с госпожой Блаватской меня поразило ощущение мощи и величия её личности; её легко было сравнить с первобытными силами Природы... Однако в её присутствии я не испытывал чувств, возникающих порой вблизи великих людей, которые подавляют и полностью затмевают окружающих, своевольно попирая их независимость. Скорее то было ощущение глубоко укоренившейся реальности, бесконечной стойкости. В ней угадывался дух, возникший в глубинах Природы и достигший извечных истоков Истины. Постепенно сквозь всеобъемлющее ощущение мощи проступали её мягкость, доброта и неизменная готовность полностью отдаться служению людям, забыв себя².

Уильям Стюарт Росс, известный писатель и критик, редактор журнала «Агностик Журнал», современник Е. П. Блаватской, также отдал дань уважения её памяти. По случаю её смерти он опубликовал в своём журнале следующую заметку: «Несмотря на колоссальные достижения и непревзойдённые таланты, в ней не было ни крупинки чванливой педантичности, она была по-детски простодушна... Её последователи верят в жизнь после смерти, я же отношусь к этим идеям скептически. Для меня мадам Блаватская мертва, и её смерть омрачает моё существование... Нечего сказать, „шарлатанка!“ Она была едва ли не единственной из тех, кого я знал, кто *не был* обманщиком... и одной из тех немногих, кто по-настоящему понимал меня»³.

¹ William Q. Judge. The Esoteric She, *The Sun*. – Нью-Йорк, 26 сентября, 1892, перепечатано в *H. P. Blavatsky* (брошюра), Лос-Анджелес, Калифорния, Theosophy Company.

² Johnston C. A Memory of Madame Blavatsky, *Lucifer*. – Лондон: Theosophical Publishing Society, июнь, 1891, с. 287–288.

³ Ross W. S. (Saladin), Death of Madame Blavatsky. *Agnostic Journal*, 16 мая 1891, перепечатано как *How an Agnostic Saw*

Последнее замечание, несомненно, относится к широко известному докладу Ходжсона, опубликованному в декабре 1885 г. лондонским Обществом психических исследований (далее в тексте – ОПИ). В нём говорится, что госпожа Блаватская «вполне заслуженно останется в веках как самая выдающаяся, искусная и оригинальная мошенница в истории человечества». (Ричард Ходжсон, молодой человек двадцати с небольшим лет, специально отправился в Индию для того, чтобы лучше изучить её.)

С тех пор это суждение кочует по энциклопедиям, биографиям и средствам массовой информации и упоминается везде, где идёт речь о жизни и трудах Е. П. Блаватской. В связи с этим особенно примечательным представляется тот факт, что в 1986 г., через сотню лет после публикации доклада Ходжсона, самим Обществом психических исследований был выпущен пресс-релиз на три страницы, предназначенный для ведущих газет и журналов Великобритании, Канады и США. Он начинался такими словами:

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗВОЛЯЮТ ЗАКЛЮЧИТЬ, ЧТО ГОСПОЖА БЛАВАТСКАЯ, СОСНОВАТЕЛЬ ТЕОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА, БЫЛА НЕСПРАВЕДЛИВО ПОДВЕРГНУТА КРИТИКЕ.

Серьёзные сомнения вызвало «разоблачение» оккультной просветительницы российского происхождения, госпожи Е. П. Блаватской, опубликованное ОПИ в 1885 г. В журнале ОПИ (т. 53, апрель 1986 г.) появилась публикация, содержащая жёсткую критику этого доклада.

Повторным рассмотрением данного дела занялся профессор Вернон Харрисон, бывший президент королевского фотографического общества и руководитель научно-исследовательского проекта Томаса Де Лару, эксперт в области фальсификаций. Основную часть доклада 1885 г. подготовил Ричард Ходжсон, первый австралиец среди членов ОПИ, в котором состояли в основном британцы и американцы. Эта публикация принесла ему широкую известность.

В пресс-релизе приводился отрывок из 25-страничного исследования профессора Харрисона: «В результате подробного анализа доклада становится всё более очевидным, что Ходжсон... был готов использовать против Е. П. Блаватской любые доказательства, даже самые незначительные и сомнительные, но при этом игнорировал все факты, которые могли свидетельствовать в её пользу. Его доклад изобилует односторонними суждениями, догадками, выдаваемыми за неопровержимые или вероятные факты, неподтверждёнными показаниями безымянных свидетелей, выборочными доказательствами и откровенно ложными заключениями»⁴.

Харрисон приводит цитату из заявления, сделанного Е. П. Блаватской вскоре после публикации доклада Ходжсона:

Скрупулёзные, но ошибочно направленные изыскания мистера Ходжсона, ложные ориентиры, делающие его чересчур **внимательным** к мелочам, но слепым к действительно важным вещам, его противоречивые доводы и полнейшая неспособность разобраться в проблемах, которые он стремился решить, – всё это будет в должное время изобличено другими литераторами, в этом я не допускаю ни малейшего сомнения⁵.

Her, *Lucifer*, июнь, 1891, с. 311–316.

⁴ Reprinted in Vernon Harrison, H. P. Blavatsky and the SPR: An Examination of the Hodgson Report of 1885, Pasadena, California, Theosophical University Press, 1997.

⁵ Sinnett A. P. The Occult World Phenomena and the Society for Psychical Research, with a Protest by Madame Blavatsky (брошюра). – Лондон: George Redway, 1886. – с. 51.

Харрисон добавляет: «Я приношу ей свои извинения за то, что нам потребовалось сто лет для того, чтобы подтвердить её правоту»⁶.

В сообщении упоминалось, что Блаватская была соосновательницей Теософского общества (далее в тексте – ТО), учреждённого в Нью-Йорке в 1875 г. Она прибыла в Соединённые Штаты в 1873 г., а пятью годами позже получила американское гражданство. В числе основателей ТО также были полковник Генри С. Олькотт, который стал президентом общества, и Уильям К. Джадж. На ранних этапах жизни Олькотт добился профессионального признания в области сельского хозяйства. После участия в Гражданской войне его назначили членом комиссии, состоящей из трёх человек, которая по поручению правительства расследовала убийство президента Линкольна. Позже он стал юристом. Джадж, молодой юрист, американец ирландского происхождения, впоследствии сыграл важную роль в распространении теософского движения, особенно в Америке.

Постепенно были сформулированы три основные цели общества. Хотя сегодня они кажутся вполне приемлемыми, в Викторианскую эпоху это было нечто принципиально новое. Вот эти цели:

1. Сформировать ядро всеобщего братства человечества, без различия по признаку расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи;
2. Изучать древние и современные религии, философии и науки, подчеркивая важность их освоения;
3. Исследовать неизвестные законы природы и психические возможности, заложенные в человеке.

На сегодняшний день общества и ассоциации, придерживающиеся этих целей, существуют более чем в 60 странах мира.

Следуя третьей цели, Е. П. Блаватская лично демонстрировала некоторым из своих учеников оккультные феномены, пытаясь объяснить им отдельные законы природы. Это происходило по обоюдному согласию, когда зрители находились в полном сознании, и в светлое время суток, что несколько не похоже на обычные манипуляции медиумов. Тем не менее подобные феномены неизбежно вызывают сомнения в своей подлинности у тех, кто не видел их воочию. Так было и в случае с Ходжсоном, чьё исследование ограничивалось опросом свидетелей и изучением их отчётов.

Г. Д. Уэллс однажды написал, что его всегда изумляли явления, на которые были способны «Магомет, йоги и госпожа Блаватская... Здесь мы сталкиваемся с законом куда более глубинным, чем обыкновенные законы природы»⁷. Известный историк-культуролог, специалист в области архитектуры Льюис Мэмфорд упоминал в своей колонке, которую он вёл в газете «Нью Йоркер» (23 мая 1964 г.)⁸ о сделанном Е. П. Блаватской необъяснимом предсказании, в котором речь шла о «городах, полностью разрушенных ядерным взрывом».

Блаватская никогда не претендовала на ведущую роль в ТО и в течение 10 лет занимала должность секретаря-корреспондента. За год до смерти она была избрана президентом европейского ответвления общества. В письме к сестре в Россию Елена Петровна сетовала: «Но

⁶ Harrison V. I Accuse: An Examination of the Hodgson Report of *Journal of the Society for Psychical Research*. – Лондон, апрель 1986., с. 309-Harrison V. *H. P. Blavatsky and the SPR: An Examination of the Hodgson Report of 1885*. – Пасадена: Theosophical University Press, 1997. – с. 33.

⁷ Уэллс Г. Д. Человек, который мог творить чудеса. Пер. А. Анненской. – СПб.: «Шиповник», 1909.

⁸ Это случилось в Нью-Йорке в 1920-х гг., когда названные лица были посетителями недавно построенного отеля «Шелтон». Carolyn Swanton, Claude Fayette Bragdon: A Theosophist, American Theosophist, Уитон, Иллинойс, Theosophical Society in America, сентябрь 1983, с. 263.

зачем мне всё это?.. Награды и титулы совсем не по моей части»⁹. В отличие от многих популярных современных гуру, она отказывалась брать деньги за проповедование своих учений, жила без излишеств и умерла, не нажив богатства.

Е. П. Блаватская непременно возразила бы против слов «её учения», поскольку она никогда не считала их своими. По словам Елены Петровны, она переняла их от Учителей, которых повстречала во время своих восточных странствий. Этих гуру она называла адептами, Учителями мудрости или Махатмами (великими душами). Где бы они ни находились, на Востоке или Западе, их труды и откровения имеют общемировое значение. На Западе Блаватская стала первой, кто открыто заговорил об этих более развитых представителях человеческого рода, которые появились как результат естественного процесса эволюции, путём реинкарнации. Как утверждает теософия, на протяжении всей истории такие люди становились величайшими Учителями и спасителями человечества. Это Будда, Кришна, Зороастр, Моисей, Авраам и Иисус. Что касается Иисуса, то в своей первой книге «Разоблачённая Изида» (2:150) Блаватская писала, что он был «одной из самых великих и ярких личностей на полотне человеческой истории», которая «вместо того, чтобы поблекнуть, будет с каждым веком становиться всё ярче и заметнее».

Сегодня представление об Учителях мудрости стало таким привычным, что в Международной энциклопедии Роже читатель может найти четыре синонима к слову махатма: сведущий человек, положительная личность, оккультист и мудрец¹⁰. Теософы допускают, что женщина может стать адептом, равно как и мужчина¹¹.

Но как точнее охарактеризовать мудрость мыслителя или учителя? Можно ли назвать её религиозной, научной или философской? Согласно подзаголовку самой большой работы Е. П. Блаватской, «Тайная Доктрина», мудрость мыслителя заключается в «Синтезе науки, религии и философии».

Учёных, которые читали «Тайную Доктрину», несомненно, привлекали содержащиеся в ней предсказания грядущих открытий в их сферах научной деятельности. В то время как физики и химики того времени утверждали, что атом является наименьшим структурным компонентом Вселенной, Е. П. Блаватская настаивала на его бесконечной делимости. Антропологи нехотя признавали, что человеческий род существует уже несколько сотен тысяч лет, тогда как Блаватская, подобно современным исследователям, говорила о миллионах лет. Она с уверенностью рассказывала о предстоящих научных открытиях: об изменяемости материи и энергии, преобразовании элементов, об иллюзорной природе материи, которая не всегда доступна человеческому глазу, о том, что в космосе нет абсолютной пустоты, а Луна никогда не была частью Земли, как утверждали некоторые исследователи, и на самом деле существует намного дольше, чем Земля. Впоследствии учёные были поражены, обнаружив, что обломки пород с лунной поверхности, доставленные американскими астронавтами, значительно старше земных!

Племянница Эйнштейна как-то обмолвилась о том, что «Тайная Доктрина» всегда была настольной книгой её дяди¹². Этот факт подтверждает и Джек Браун в статье «В гостях у профессора Эйнштейна»¹³.

⁹ Блаватская Е. П. Письмо Вере Желиховской, *Letters of H. P. Blavatsky XIII, The Path*. – Нью-Йорк, Нью-Йорк: William Q. Judge publisher, декабрь 1895, с. 270.

¹⁰ *Roget's International Thesaurus*, 4-е изд. – Нью-Йорк, Нью-Йорк: Thomas W. Crowell, 1977.

¹¹ Mavalankar D. *Can Females Become Adepts? The Theosophist*, Адьяр, The Theosophical Society, октябрь 1883, с. 23.

¹² Iverson Harris, *The Journal of San Diego History*, Сан-Диего (Калифорния), Historical Society, лето 1974, с. В процессе наведения справок касательно этих сведений выяснилось, что племянница Эйнштейна во время поездки в Индию в 1960-х гг. посетила штаб Теософического общества в Адьяре. По её словам, она ничего не знала о теософии и обществе, но должна была увидеть это место, поскольку на столе её дяди всегда лежала книга госпожи Блаватской «Тайная Доктрина». Её собеседницей была Юнис Лейтон, путешественница, читающая лекции по теософии, которая оказалась за стойкой администратора во время её визита. В январе 1982 г. Сильвия Крэнстон, автор этой книги, встретила Юнис Лейтон в Охае, штат Калифорния, и та подтвердила правдивость истории.

У Е. П. Блаватской было немало друзей в научных кругах. Среди них Томас Эдисон, ведущий химик и физик XIX в. сэр Уильям Крукс и прославленный французский астроном Камиль Фламарион. Все они являлись членами Теософского общества. Кроме них стоит упомянуть американского философа Уильяма Джеймса и генерал-майора Эбнера Даблдея, героя Гражданской войны и изобретателя бейсбола. Будучи вице-президентом ТО, Даблдей завещал обществу свою обширную библиотеку. Блаватская близко общалась с ним, когда жила в Нью-Йорке.

Позже, когда она переехала в Лондон, поэт Уильям Батлер Йейтс, тоже член ТО, принимал самое непосредственное участие в её трудах. В письме к другу он называл Блаватскую «самой живой из ныне живущих»¹⁴. После интервью с ней американский репортер написал в газете «Хартфорд дейли таймс» (2 декабря 1878 г.): «Госпожа засмеялась. Едва ли эти слова способны отразить наши чувства. Казалось, будто сам Смех искрится вокруг нас! Ни один самый весёлый, звонкий и залиvistый хохот не мог сравниться с её смехом. Каким бы ни было её настроение, она казалась его духом, воплощением, такова была сила её внутренней энергии». К сожалению, на фотографиях удалось запечатлеть только серьёзную сторону натуры Блаватской.

На сегодняшний день существует 18 биографических книг о Е. П. Блаватской на английском языке. Книга, которую вы держите в руках, посвящённая 100-летию со дня её смерти, первая биография подобного масштаба. В отличие от всех своих предшественников, автор описывает и жизнь, и учения Блаватской, поскольку их следует рассматривать неразрывно друг от друга. Работая над этой книгой, автор изучила все труды и статьи Блаватской, объёмом около 10 000 страниц.

В частности, немалую ценность представляют письма Е. П. Блаватской. Автору повезло получить от Дары Эклунд, исполнительницы завещания Бориса Цыrkова (редактора собрания сочинений Е. П. Блаватской), копии около 600 писем, собранных им за 50 лет, и множество других сведений о жизни Блаватской, которые невозможно отыскать в привычных источниках.

Совсем недавно удалось обнаружить новые сведения о Е. П. Блаватской, в том числе её давно утерянную переписку с Джеймсом Ральстоном Скиннером, просвещённым человеком, автором книги «Ключ к иудейско-египетской загадке в источнике мер». И хотя Скиннер не раз упоминал об этих письмах, их содержание не было известно никому. Они нашлись в архивах теологической библиотеки Андоверской семинарии при Гарвардском университете. Автор биографии внесла свой скромный вклад в обнаружение переписки. 30 января 1984 г. хранитель архива профессор Алан Сиберг написал ей письмо следующего содержания: «Если до Вас вдруг дойдут слухи о других письмах Е. П. Блаватской, не нашедших пристанища, им может стать Гарвард. Мы будем рады пополнить ими свою коллекцию».

Ещё один бесценный источник информации, нетронутый предшествующими биографами, заключается в обширном материале, ранее опубликованном в России и до недавнего времени не имевшем перевода. Большая его часть была впервые переведена на английский язык для этой книги молодой русской эмигранткой Екатериной Юнг, почётной выпускницей Ратгерского университета и автором книги «Как я росла в Москве»¹⁵. Её дело закончила другая уроженка России, Мэри Д. Лэнгфорд, которая до самой пенсии преподавала русский язык в колледже «Оксидентал» в Калифорнии.

Литератор Пол Цвайг с восхищением отмечает: «Буквально за пару лет Теософское общество полностью изменило оккультное мышление в Европе и Америке... Её Теософское

¹³ *Ojai Valley News*, Охай, Калифорния, 28 сентября 1983, с. 6–7.

¹⁴ *Collected Letters of W. B. Yeats: Volume One*, edited by John Kelly. Т. 1. – Оксфорд: Clarendon Press, 1986. – с. 164.

¹⁵ Юнг Е. (Cathy Young). Как я росла в Москве. – Нью-Йорк, Нью-Йорк: Ticknor&Fields, 1989.

общество... пустило корни в Индии и на Цейлоне, став мощным фактором возрождения индуизма и буддизма. Наконец, оно оказало столь важное влияние на движение за независимость в Индии»¹⁶. (См. гл. «Пробуждение Востока», ч. V этой книги.)

Один из аспектов влияния Е. П. Блаватской на Западе отображает социальный историк Теодор Роззак в книге «Незавершённое животное». Глава «Секретная доктрина госпожи Блаватской» занимает восемь страниц, и в ней он описывает просветительницу как «одну из величайших эмансипированных женщин своего времени», добавляя, что «каждым своим действием и словом она невольно навлекла на себя испепеляющий огонь критики, особенно когда решилась бросить вызов самым закоренелым интеллектуальным догмам того времени. По сей день существуют люди, которые не прочли ни строчки из её работ, но твёрдо убеждены в том, что она мошенница и чудака... Едва ли многие помнят о том, что после публикации „Происхождения видов“ Е. П. Блаватская была первой, кто решительно отстаивал значение трансфизического элемента в эволюции на фоне растущей популярности теории Дарвина».

В двух её основных трудах, продолжил он, заключена «первая философия психической и духовной эволюции, возникшая на Западе».

В отличие от христианских фундаменталистов она стремилась не опровергнуть теорию Дарвина, а показать, что, сосредоточившись на физическом аспекте человеческой расы, он упустил из виду её умственный, творческий и провидческий аспекты; коротко говоря, он пренебрёг *сознанием*, у которого был совершенно особый путь эволюции. Теории Дарвина попросту не хватило глубины, чтобы объять всю суть человеческой природы».

Наблюдая за Блаватской через призму времени, Роззак отмечает: «При всей обрушившейся на неё критике нельзя не признать, что Е. П. Блаватская представляет собой один из самых выдающихся талантов нашего времени... Прежде всего, она стала одним из первых современных психологов визионерского типа»¹⁷.

Прочие аспекты влияния Е. П. Блаватской автор раскрывает в части VII «Спустя столетие» в главах о религии, психологии, литературе, искусстве, музыке и течении Нью Эйдж, матерью которого её нередко называют. Глава «Наука и Тайная Доктрина» повествует о том, насколько точно Е. П. Блаватская предрекла в своём труде грядущие научные открытия. Она предсказывала большие изменения в мире науки в период между 1888-м и 1897 г. Учёные – современники Блаватской – сетовали на то, что все великие открытия в физике, химии и астрономии совершены, и неизведанной почвы для исследований уже не осталось. А затем в 1895-й, 1896-й и 1897 г. на весь мир прогремели три открытия, благодаря которым стала доступной бескрайняя область для исследований, которые не завершены и по сей день. Эта глава проливает свет на причины, по которым Эйнштейн и другие учёные обращались к «Тайной Доктрине».

Сегодня все книги Е. П. Блаватской можно найти в печатном виде, некоторые из них в нескольких редакциях. Её труды переведены на все европейские языки, а также иврит, арабский, тамильский, хинди, китайский, японский, вьетнамский и другие. И в этом нет ничего странного, поскольку по духу она скорее была гражданином всего мира, чем какой-либо отдельной страны.

В России труды Блаватской были запрещены как при её жизни, в царские времена, так и при советской власти. Однако сейчас, судя по приведённому ниже сообщению, дело обстоит иначе:

На родине госпожи Блаватской возрождается интерес к её жизни и деятельности... [18 июня 1990 г., за год до прекращения существования Советского Союза, в Москве] состоя-

¹⁶ Talking to The Dead and Other Amusements, New York Times Review, October 5, 1980, 11.

¹⁷ Roszak T. The Unfinished Animal. – Нью-Йорк: Harper&Row, 1975. – с. 117–125.

лось открытие выставки, посвящённой Е. П. Блаватской. Выставка проходила в помещениях Союза писателей... Это событие активно освещалось московской прессой и телевидением, и несколько миллионов зрителей имели возможность наблюдать за ним в прямом эфире. Следующий 1991 г. был объявлен Международным годом Блаватской по случаю столетия со дня её кончины¹⁸.

Многое ещё будет сказано об этом в последней главе «Для будущих поколений». А 1978 г. стал сотой годовщиной со дня получения госпожой Блаватской гражданства Соединённых Штатов, страны, которую она, по её словам, «любила за торжество свободы»¹⁹.

Очерк о жизни Е. П. Блаватской был включён в «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных» через год после её смерти вопреки общему неприятию, которое в то время существовало по отношению к ней в России. Автор очерка Зинаида Венгерова писала:

Мне представляется совершенно невозможным составить хотя бы приблизительный список всего, что когда-либо было написано о Блаватской. Пробудив интерес к своей Теософии в Западной Европе, Северной Америке и Индии, она вызвала волну панегирической и полемической литературы: десятки книг, сотни журналов и тысячи газетных статей. Её слава так велика, что даже в почётном лондонском биографическом словаре Men of the Time ей посвящены целых три страницы, в то время как многие из известнейших людей современности удостоились лишь одной колонки²⁰.

Е. П. Блаватскую называли Сфинксом XIX в., и самую известную её фотографию, на которой она подпирает голову правой рукой, устремив на зрителя пронзительный взгляд, тоже прозвали Сфинксом. Неслучайно издательство «Тайм-лайф букс» выбрало именно эту фотографию для рекламы популярной серии книг «Загадки неизвестного». Миллионы людей раз за разом видели этот незабываемый образ на экранах телевизоров или в рекламных проспектах, сопровождаемый загадочными словами «ЛИЦОМ К ЛИЦУ С НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ». Возможно, это своего рода неосознанное признание в том, что миру ещё предстоит отдать Блаватской должное.

В этой биографии свидетелям различных событий из жизни Е. П. Блаватской будет предоставлена возможность рассказать историю своими словами, поскольку пересказ неизбежно сделал бы её менее яркой и живой. Это правило, разумеется, будет действовать и для нашей самой главной свидетельницы – самой Елены Петровны Блаватской.

Глубоких душ волна прильёт,
Заполнив сокровенность бытия.
И не нарушив забытья,
От бранных мыслей унесёт.

Генри Уодсворт Лонгфелло

¹⁸ *The Theosophist*, август 1990, с. 448–449.

¹⁹ Блаватская Н. Р. *Blavatsky to the American Conventions: 1888–1891*, Пасадена: Theosophical University Press, 1979. – с. 9.

²⁰ Венгерова З. Блаватская, в *Критико-биографическом словаре русских писателей и учёных*. Т. 3. – СПб., 1892. – с. Сноска.

Часть 1

Жизнь в России

Глава 1

Происхождение

В бесчисленных письмах, интервью и многотомных сочинениях Е. П. Блаватской едва ли удастся найти больше пары строчек о её предках. Очевидно, она не желала кичиться знатным происхождением. За этими сведениями исследователям придётся обратиться к другим источникам.

Её мать, Елена Ган, была известной романисткой, о её книгах отзывались как о «выдающихся произведениях русской литературы. Её сравнивали с самим Лермонтовым, о ней писали такие прославленные критики, как В. Г. Белинский»²¹. Также Е. Ган называли русской Жорж Санд²². Бабушка Блаватской по материнской линии, княжна Елена Павловна Фадеева, с которой она провела большую часть детства и юности, была видным деятелем науки и искусства. Она происходила из древнего русского рода Долгоруких, берущим начало от варяжского князя Рюрика, основателя государства, ставшего впоследствии Российской империей. По одной из версий, от названия племени русов, которым правил Рюрик, и произошёл топоним Русь.

²¹ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган. *The Theosophical Forum*. Ковина, Калифорния, август 1948, с. 450.

²² Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская: Биографический очерк, *Русское обозрение*, ноябрь 1891, с. 246. Ссылка. Старчевский А. В. Роман одной забытой романистки. *Исторический вестник*. – СПб., 1886. – с. 530.

Елена Андреевна Ган, урождённая Фадеева (1814–1842), мать Е. П. Блаватской

Среди прямых предков Е. П. Блаватской были русские, немцы и гугеноты. Кроме того, в ней текла кровь древних скандинавов, поскольку Рюрик принадлежал к викингам. В марте 1985 г. в журнале «Нэшнл Географик» вышла статья под заголовком «Нашествие на Русь... Следы викингов на востоке». В ней говорилось:

Викинги пустили корни на русской земле, когда воины и торговцы скандинавского племени Русь создали централизованное государство и дали ему своё имя. Легендарный Рюрик, предводитель племени, стал новгородским князем в 862 г. Спустя 1000 лет его бронзовая фигура украсила собой памятник «Тысячелетие России» на площади Новгородского кремля. К XI в. Киевская Русь (и её торговые пути) простиралась от Балтийского до Чёрного моря.

В первой русской летописи говорится, что Рюрик и два его брата не являлись *захватчиками*, они *были призваны* на княжение. Этот факт упоминается даже в американском справочнике по СССР²³. Блаватская обращается к этой странице истории в статье, посвящённой произведению И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Приглашая Рюрика прийти и править ими, послы славянских племён обратились к нему со словами: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“. Эти слова, – добавила Е. П. Блаватская, – были бы столь же, а то и более, уместны в устах их потомков»²⁴.

Предками Блаватской из рода Рюриковичей были князья Ярослав Мудрый, Михаил Черниговский, причисленный к лику святых, и, позднее, Яков Долгорукий, приближенный Петра Великого.

Французская линия вплелась в историю рода, когда прадедушка Е. П. Блаватской, князь Павел Васильевич Долгорукий, женился на графине Генриетте дю Плесси, дочери знатного гугенота. Последний подвергся гонениям на родине, эмигрировал в Россию и служил при дворе Екатерины Великой. Обыкновенно эта линия родословной не удостоивается внимания исследователей, однако смелость Блаватской наверняка была унаследована от гугенотов, привыкших противостоять жестоким религиозным преследованиям.

У князя Павла Васильевича и графини Генриетты родилась дочь, Елена Павловна Долгорукая, бабушка Е. П. Блаватской по материнской линии. Она была на редкость образованной, особенно для своего времени. Тогда в России женщины не допускались в университеты, поэтому образование Елены Долгорукой оказалось по большей части домашним. Она прекрасно рисовала и музицировала, бегло говорила на пяти языках. В частности, изучала древний и современный варианты греческого языка и впоследствии обучила их основам внучку, которая тоже проявляла способности к овладению иностранными языками²⁵. Княжна Елена Павловна особенно увлекалась ботаникой и археологией. Знаменитая британская путешественница, леди Эстер Стэнхоуп, упоминала о ней в своей книге о России:

В этой варварской стране я встретила невероятно образованную женщину. В Европе она бы непременно снискала себе славу, но... там, где она жила, никто не мог оценить её по достоинству²⁶.

Научные исследования Елены Павловны заинтересовали нескольких именитых учёных, в том числе Александра Гумбольдта. Она вела активную переписку с геологом сэром Родериком Мурчисоном, основателем королевского географического сообщества в Англии²⁷. Французский геолог Гоммер де Гель, семь лет проживший в России, упоминал о гостеприимстве и достижениях Е. П. Фадеевой²⁸ и назвал в её честь одну из обнаруженных им окаменелостей, *Venus Fadeef*. По словам одной из наших переводчиц, Екатерины Юнг, Елену Павловну Фадееву, урождённую Долгорукову, и сегодня высоко ценят в России.

²³ Jennifer V., Jennifer L. The Complete Guide to the Soviet Union. – СПб., 1886. – с. 530. – Нью-Йорк, Нью-Йорк: St. Martin's Press, 1976. – с. 15.

²⁴ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 2. – Уитон: The Theosophical Publishing House, 1966. – с. 353.

²⁵ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган. – с. 451–52.

²⁶ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 28.

²⁷ Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth. – Нью-Йорк, Нью-Йорк: G. P. Putnam's Sons, 1980. – с. 16.

²⁸ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 28.

Е. П. Блаватская в молодости

В 1813 г., в возрасте 23 лет, княжна вышла замуж за Андрея Михайловича Фадеева, который состоял на государственной службе и впоследствии стал саратовским губернатором²⁹.

²⁹ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 26.

Его прадед, капитан армии Петра Великого, погиб в битве под Полтавой, когда Россия подверглась вторжению шведского короля Карла XII. Дед А. М. Фадеева скончался от ран во время одной из турецких войн, а его дядя был убит при нашествии Наполеона в 1812 г. Вероятно, история переставала быть для Е. П. Блаватской обыкновенным уроком, когда она читала об этих жестоких войнах, унёсших жизни её родственников³⁰.

Несмотря на полный дом прислуги, княжна Елена сама вырастила и воспитала всех своих детей: сперва мать Елены Петровны, Елену Андреевну, затем Екатерину, мать графа Сергея Витте, ставшего впоследствии председателем Совета министров России, следом Ростислава, будущего прославленного генерала, историка и общественного реформатора,³¹ и, наконец, Надежду, подругу детства Елены Петровны, которая была почти её ровесницей. Елена Андреевна так отзывалась о своей матери: «Даже если я скажу, что наша мать была нашей кормилицей, воспитателем, учителем и ангелом-хранителем, этого всё равно будет недостаточно для того, чтобы описать её жертвенную, бесконечную, самозабвенную любовь к нам, которой она ежесекундно озаряла нашу жизнь»³². Впоследствии она повторит этот подвиг для своей внучки, Елены Ган, в замужестве Блаватской.

Более того, в своей доброте и самопожертвовании Елена Павловна не ограничивалась собственной семьей: она благодетельствовала бедным, спасла многие семьи от голодной смерти и учредила детский приют³³. Она была глубоко верующей, поэтому в доме, где выросла Елена Петровна, чтит традиции православного христианства. Бабушка говорила ей: «Мудр и добр всемогущий Господь, и всё сотворённое им в этом мире прекрасно и полезно»³⁴. Один из писателей XIX в. написал, что княжна «дожила до глубокой старости (!)... и умерла в 72 года»³⁵.

* * *

Отец Е. П. Блаватской, Пётр Алексеевич Ган, был потомком знаменитого немецкого рода Роттенштерн. Однажды во время Крестового похода в палатку его дальнего предка, графа Роттенштерна, пробрался сарацин, намереваясь его убить. Графа разбудил крик петуха, который спас ему жизнь. В благодарность он добавил к своему имени слово «Ган» (Hahn), что в переводе с немецкого означает «петух»³⁶.

Фамилия Ган была широко известна не только на родине, но и в России, куда предки Петра Алексеевича эмигрировали за несколько поколений до его рождения. В XVII и XVIII вв. изгнанников и искателей приключений привлекал не только Новый Свет, но и Россия. Е. П. Блаватская рассуждала о выходцах из западной Европы, прибывших к русскому племени, удивляясь тому, что имена эмигрантов «порой были русифицированы до неузнаваемости, к примеру, английская фамилия Гамильтон превратилась в „ХОМУТОВ!“»³⁷.

Пётр Ган избрал военное поприще и дослужился до звания полковника. Его отец, генерал-майор Алексей Фёдорович Ган, был награждён знаком особого отличия за победу в решающем сражении в Швейцарии, где он был назначен комендантом Цюриха на время его оккупации российскими войсками. Он женился на графине Елизавете Максимовне фон Прёбсен.

³⁰ Фадеев А. М. Воспоминания, 1790–1867. Ч. 1, Одесса, Южно-русское общество печатного дела, 1897. – с. 5.

³¹ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 3. – с. 506–507.

³² Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 452.

³³ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства Веры Петровны Желиховской. Изд. 2-е, расшир. и доп. Т. 1. – СПб.: А. Ф. Девриен, 1894. – с. 33–38.

³⁴ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Т. 1, с. 18.

³⁵ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842. Биографический очерк. *Русская старина*. Вып. 51, ч. 1. – СПб., 1886. – с. 339.

³⁶ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky – Нью-Йорк, Нью-Йорк, J. W. Bouton, 1886. – с. 97.

³⁷ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 2, с. 355.

Именно от своей немецкой бабушки Елена Петровна унаследовала серебристые, кудрявые волосы, живое чувство юмора и беззаботный нрав³⁸.

Отец Блаватской обладал совсем иным чувством юмора – язвительным остроумием убеждённого скептика. Образованный и эрудированный, он был далёк от всего религиозного и оккультного, называя это бабушкиными сказками. Чего только стоит его реакция на растущие психические возможности дочери, о которой вы прочтёте позже.

Двоюродной бабушкой Елены Петровны по отцовской линии являлась известная немецкая писательница графиня Ида Ган-Ган. Её книги печатались в Европе и Великобритании. По странному стечению обстоятельств эта бабушка и мать Елены Петровны занимались общим делом. В предисловии ко второму изданию собрания сочинений Елены Ган, увидевшему свет в 1905 г., написано следующее:

В 30-х гг. прошлого века во Франции, Германии и России один за другим появились несколько романов. В этих романах впервые за всю мировую историю освещались вопросы социального положения женщин во всех его аспектах. Можно сказать, на Западе с них начались так называемое движение феминисток и борьба за избирательные права женщин. Авторами романов были три писательницы: знаменитая Жорж Санд во Франции, графиня Ида Ган-Ган в Германии и Елена Андреевна Ган [мать Е. П. Блаватской] под псевдонимом Зинаида Р-ва в России. В своих сочинениях они старались изобразить безрадостную судьбу и жалкое социальное положение женщин, которые в силу обстоятельств были обречены никогда не узнать счастья супружества или же переживали полное крушение брака³⁹.

В своих произведениях Елена Андреевна затрагивала проблему общечеловеческой несправедливости, от которой страдают не только женщины. Она была в числе первых, кто писал об этом в России. Героиня нашумевшего романа «Теофания Аббадижо» как-то вечером проходит мимо домов богачей и видит в окнах дам, разодетых в пух и прах. Невольно она задаётся вопросом: «Чем они заслужили эти богатства? За что они получили всё, в то время как другие лишены всех увеселений и радостей... а между тем весь труд и тяжёлая работа возложены на плечи этих изгнанников?» Затем, проходя через бедную улицу с крошечными жалкими лачугами, наполовину вросшими в землю, она видит «обезображенные лица кочегаров... Здесь живут те, благодаря кому в городе кипит жизнь, и всё же их никто не замечает и не вспоминает». Неподалёку богачи любят фейерверками, а «на расстоянии сотни шагов целая семья погибает от голода, лёжа на сырой земле, и ни одна искорка фейерверка, падая, не превратится в манну небесную, чтобы спасти несчастных от смерти...»⁴⁰. В сочинениях Е. П. Блаватской мы видим ту же глубокую озабоченность страданиями людей. В книге «Голос Безмолвия», которую, как говорят, нашли на прикроватном столике Альфреда Теннисона в день его смерти,⁴¹ есть следующие строки:

Да внемлет Душа твоя каждому крику боли подобно тому, как лотос обнажает сердце своё, чтобы испить свет утреннего солнца.

Пусть не иссушит палящее Солнце ни единой слезы боли до того, как ты сотрёшь её с очей страждущего.

И пусть упадёт каждая горячая слеза на сердце твоё и там пребудет, не пытайся смахнуть её до того, как исчезнет страдание, её создавшее.

³⁸ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Т. 1. – с. 60, 124, 149–50.

³⁹ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 449.

⁴⁰ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, сентябрь 1886, вып. 51, ч. 10, с. 570–71.

⁴¹ Олькотт Г. С. Листы старого дневника. История Теософического общества. 3-е изд. Т. 3. – Адьяр: The Theosophical Publishing House, 1974. – с. 378.

О, ты, чьё сердце полно сострадания, знай же, слёзы эти – ручьи, что орошают поля бессмертного милосердия. На этой лишь почве растёт полуночный цветок Будды, и не сыскать на всём свете более редкого цветка... Знай, что поток сверхчеловеческого знания... тобою изысканный, должен от тебя... в другое русло устремиться... Чистые свежие воды его станут усадой среди горьких волн Океана – глубокого моря печали, полного людских слёз⁴².

Писательская карьера Елены Андреевны только началась, когда её старшей дочери Елене минуло пять лет. Однако позвольте вернуться к моменту рождения Е. П. Блаватской, когда её матери было 17 лет.

⁴² Блаватская Е. П. *Голос Безмолвия*, с. 13, 67.

Глава 2

Рождённая в трудные времена

Елена Петровна родилась на исходе ночи, ранним утром 12 августа 1831 г. в Екатеринославе, который был основан во время правления Екатерины Великой. Позже его переименовали в Днепропетровск в честь Петра Великого и протекающей через город реки Днепр.

В истории России Днепр играет особую роль. Именно вдоль этой реки, второй по величине в России, начала распространяться династия Рюриковичей. К началу XI в. границы государства Русь со столицей в Киеве простирались от Балтийского до Чёрного моря. Днепр стал важным торговым путём, ведущим в Константинополь.

Нельзя не упомянуть и о религиозном значении этой реки. Именно у Днепра потомок Рюрика, киевский князь Владимир, недавно принявший христианство, проводил обряд масового крещения. За обращение русского народа из язычества в христианство Владимир был причислен к лику святых⁴³. Есть доля иронии в том, что спустя восемь столетий другой потомок Рюрика, рождённая в городе, стоящем на той же реке (мы имеем в виду Е. П. Блаватскую), в своих сочинениях критически оценивала смысл церковных таинств, в частности, крещения, которое дарует спасение всем участникам таинства, подразумевая, что некрещёные люди прокляты навечно. Тем не менее Блаватская вовсе не была противницей христианства. В своём первом крупном произведении «Разоблачённая Изида» она подчёркивает, что в этой книге «нет ни единого слова против священных учений Иисуса, лишь беспощадно обличается их низведение в тлетворные церковные системы...»

Определённо стоит упомянуть обстоятельства крещения самой Елены Петровны. Во время её рождения в 1831 г. Россия переживала трудные времена. Азиатская холера – опаснейшее и жесточайшее инфекционное заболевание – годом ранее распространилась в западных странах, а затем перекинулась на территорию Российской империи и большей части Европы. Она сметала на своём пути целые народы. Жертвой холеры стал и брат царя Николая I, великий князь Константин Павлович. В имении Фадеевых на юге России, где родилась Елена Петровна, тоже несколько человек погибли от этой болезни. Повсюду стояли гробы, ожидая захоронения. Крестьяне видели дурное предзнаменование в том, что господская дочь родилась в такое время.

Возможно, по причине всеобщего волнения Елена появилась на свет раньше срока и оказалась так слаба, что семьёй было принято решение немедленно окрестить её из боязни, что она умрёт «с бременем первородного греха на душе». Так драматично описывал случившееся один из её родственников:

Церемония крещения в «православной» России требует соответствующей атрибутики: горящих восковых свечей, «пары» крёстных родителей; при этом каждый из наблюдателей и непосредственных участников таинства держит освящённую восковую свечку на протяжении всей церемонии. К тому же все присутствующие должны во время обряда крещения стоять – в греческой церкви никому не дозволено сидеть при проведении богослужения, в отличие от римской католической и протестантской церквей. Для проведения таинства выбрали самую большую комнату в родовом поместье, но толпа желающих присутствовать на церемонии была ещё больше.

Надя, которая приходилась новорождённой тётёй, хоть и была всего несколькими годами старше её, стояла в первом ряду вместо какого-то отсутствующего родственника, прямо перед

⁴³ *National Geographic*, март 1985, с. 295.

достопочтенным *протоиереем*. От почти часового стояния девочка устала, никем не замеченная, устроилась на полу и, вероятно, задремала, утомлённая духотой тесного помещения в тот жаркий августовский день. Тем временем церемония близилась к завершению. Восприемники произносили слова отречения от дьявола и его злых деяний, подкрепив их трёхкратным плевком в невидимого врага согласно традициям греческой церкви. В этот момент юная леди, забавляясь со своей горящей свечкой, нечаянно подожгла длинную ниспадающую рясу священника. К несчастью, это заметили слишком поздно. Несколько человек, включая пожилого священника, получили сильные ожоги.

Руководствуясь религиозными предрассудками русского православия, это происшествие тоже истолковали как дурной знак; с того самого дня невинная причина этого бедствия – будущая госпожа Блаватская – была в глазах всего города обречена на бурную жизнь, полную злоключений и бед⁴⁴.

Но были и добрые знаки. Согласно старому юлианскому календарю, который тогда использовали в России, младенец родился около полуночи с 30-го на 31 июля. В русском фольклоре бытовало поверье, что такой человек наделён властью над злыми силами, в частности демонами и ведьмами⁴⁵.

Некоторые могут задаться вопросом, действительно ли является дурным знаком рождение во времена великих страданий, будь то болезни или другие бедствия. Достаточно вспомнить знаменитый отрывок из Песни Господа («Бхагавад-Гита»), в котором мудрец Кришна обращается к своему ученику:

И мне, и тебе довелось пройти через череду рождений... Я помню все свои жизни, ты же о своих не знаешь... Каждый раз я принимаю свой изначальный облик... Всякий раз, когда пороки и несправедливость берут верх над добродетелью, я прихожу сюда из века в век во имя сохранения справедливости, избавления от зла и восстановления праведности⁴⁶.

Чета Фадеевых переехала в свой особняк в Екатеринославе за 16 лет до рождения Елены Петровны. Тогда её дед Андрей Михайлович был назначен управляющим конторой иностранных поселенцев, а её матери исполнился всего один год. В этом доме появилась на свет и сама Елена Петровна⁴⁷. Он всё ещё существует, и в 1991 г., спустя 100 лет после кончины Блаватской, на стену дома прикрепили табличку, которая гласит, что это здание является исторической достопримечательностью.

В момент рождения дочери Пётр Ган находился в Польше, куда его отправили для участия в подавлении восстания. Когда он вернулся домой, Елене уже шёл седьмой месяц. Годом позже Ганы переехали в Романьково, военный городок неподалёку от Екатеринослава, и зажили там в собственном доме.

⁴⁴ Sinnett A. P. *Incidents in the Life of Madame Blavatsky*, с. 18–19.

⁴⁵ Sinnett A. P. *Incidents in the Life of Madame Blavatsky*, с. 21.

⁴⁶ The *Bhagavad-Gita*, пер. с санскрита выполнен William Q. Judge. – Лос-Анджелес: The Theosophy Company, 1986.

⁴⁷ Фадеева Н. Е. П. Фадеева. *Русская старина*. – СПб., декабрь 1886. – с. 749–51.

Глава 3

Кочевая жизнь

Однако Ганы ненадолго задержались в Романькове, в скором времени им пришлось переехать в другую часть Украины. Поскольку Пётр Ган служил в конной артиллерийской батарее, семья была вынуждена часто менять место жительства. Административная работа деда Блаватской, Андрея Фадеева, также вынуждала его часто перемещаться по разным городам России. В силу того, что Елена Андреевна с детьми жила то с мужем, то со своими родителями, Елена Петровна с раннего детства привыкла к кочевой жизни, ей приходилось соприкасаться с различными культурами и людьми. Возможно, это подготовило её к будущим путешествиям по всему свету.

Когда Елене исполнилось два года⁴⁸, их семью, живущую в очередном военном городке вдали от родных, постигло первое большое горе. Младший сын Ганов Саша серьезно заболел, а докторов поблизости не было. Весенние дожди сделали дороги непригодными для пеших или конных путешествий. Бедной матери пришлось наблюдать за медленной смертью своего дитяти, не имея возможности вылечить его или хотя бы облегчить страдания⁴⁹.

На время следующей беременности Елена Андреевна переехала в Одессу, признанный культурный центр и курорт на Чёрном море. Там же в этот период находился и её отец, исполнявший обязанности члена комитета иностранных поселенцев, которые целыми семьями приезжали из далёкой Германии, чтобы осесть на новообретённых территориях России. Когда Елене исполнилось три с половиной года, родилась её сестра, Вера.

Вскоре Елена Андреевна воссоединилась с мужем, и семья продолжила кочевать по городам и сёлам Украины. Отсутствие постоянного места жительства и налаженного быта стало бы суровым испытанием для любой матери, не говоря уж о Елене Андреевне, не отличавшейся крепким здоровьем. Кочевая жизнь с Петром «подобно грозовому облаку, постоянно нависала над её головой», вспоминал Цырков. «Как только она привязывалась к новому дому, как только завязывалась дружба с новыми знакомыми, а окружающая обстановка становилась милой сердцу, весь кошмар пугающих слов „нас переводят“ обрушивался на неё, в который раз принуждая оставить всё позади и уехать в незнакомое, пустынное место. Маленькие, грязные провинциальные городишки, скучные обеды и чаепития, окутанные густым дымом сигарет, вечные разговоры о лошадях, собаках, оружии и подобных вещах»⁵⁰.

⁴⁸ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 30–31.

⁴⁹ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, август 1886, вып. 51, ч. 4. – с. 347–348.

⁵⁰ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 454.

Глава 4

Жизнь в Петербурге

Весной 1936 г. пришла радостная весть – Петра с его батареей переводят в Санкт-Петербург. В то время в России ещё не было железных дорог. Путешествие длиною в девятьсот вёрст на конной повозке, вероятно, стало увлекательным приключением для маленькой Елены. Но матери двоих детей, один из которых был младенцем, оно далось тяжело. И всё же Елена Андреевна была взволнована перспективой окунуться в культурную жизнь столицы – самого европейского города России, почти наравне с Лондоном и Парижем.

Петру Санкт-Петербург не был в новинку, здесь он вырос и по-прежнему жила его семья. Когда он был занят работой, его братья любезно сопровождали невестку в музеи, театры и оперу. «Здесь в Петербурге, – заметила писательница Екатерина Некрасова, – ты мог внезапно столкнуться с людьми, о которых до этого читал только в книгах; здесь можно было вживую увидеть великих поэтов»⁵¹. В одной частной галерее Елену Андреевну ожидал большой сюрприз, о котором она потом написала Екатерине:

*Я натолкнулась на человека, показавшегося мне знакомым... Присмотревшись, я узнала в нём Пушкина. Я воображала его тёмным брюнетом, а его волосы не темнее моих, длинные и взъерошенные. Он невысок, лицо заросшее, некрасив, только глаза его беспрестанно сверкают, как угли... Несколько раз он с улыбкой бросал на меня взгляд – должно быть, на лице моём застыло выражение восхищения*⁵².

Среди всех открывшихся ей восхитительных возможностей, пишет Некрасова, Елена Андреевна ничуть не забыла о детях: «Как и прежде, она играла на фортепиано дуэтом с Лоло, пела с ней песни, учила её читать и писать и восхищалась необычайными способностями и умом своей пятилетней дочери»⁵³. (Домашние ласково звали Елену Петровну Лоло, Лёля и Лёленька.)⁵⁴.

С самого рождения Елена «стала объектом тревожной любви своей матери», «несмотря на юный возраст, 17-летняя Елена Андреевна сама кормила и нянчила своё дитя», отметила Екатерина Некрасова в своём биографическом очерке, опубликованном в 1880 г. в историческом журнале «Русская старина». Этот очерк ранее не переводился и не использовался в биографиях Е. П. Блаватской. Между тем он имеет особую ценность, поскольку основан на письмах Елены Андреевны к её старшей сестре Екатерине. По-видимому, это её единственная сохранившаяся переписка. До настоящего момента биографам Е. П. Блаватской оставалось строить догадки о её отношениях с матерью. Так, Мэрион Миде в биографии 1980 г. «Мадам Блаватская: женщина и миф» могла безнаказанно утверждать, что мать, увлечённая карьерой романистки, была «бесконечно далека» от Елены Петровны, оставляя её на попечение и воспитание гувернанток. Затем Миде сделала и вовсе необычное заявление, будто ребёнок всегда испытывал к матери «глубокую враждебность» и намеревался «убить её»⁵⁵.

Находясь в Санкт-Петербурге, Елена Андреевна не прекращала учиться. Она читала книги на немецком, итальянском и английском языках, которыми овладела самостоятельно. Английский был ею особенно любим. Прочтя «Годольфин», последний роман Бульвер-Лит-

⁵¹ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, август 1886, вып. 51, ч. 5, с. 353.

⁵² Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, август 1886, вып. 51, ч. 5, с. 353.

⁵³ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, август 1886, вып. 51, ч. 5, с. 351.

⁵⁴ Желиховская В. П. Как я была маленькой, 1894 (используется автором на протяжении всей книги).

⁵⁵ Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth, с. 24–33.

тона, она решила перевести его фрагмент на русский язык и, борясь с нерешительностью, отправила свой перевод в популярный журнал «Библиотека для чтения». К её немалой радости, журнал согласился опубликовать перевод, а главный редактор посоветовал ей писать самой. Так началась её писательская карьера.

Некоторые из романов Елены Андреевны описывают трудное положение женщины, которая несчастлива в браке. Они были отчасти автобиографичны, ведь её жизнь с мужем вдвое старше по возрасту оказалась полным разочарованием⁵⁶. В романе «Суд света» она писала:

Острый, блестящий ум моего мужа, как правило, сопровождаемый колкой иронией, день за днём разбивал вдребезги мои самые светлые, невинные и чистые желания и чувства. Всё то, чем я восхищалась, к чему стремилась с самого детства, что было свято для моего сердца, высмеивалось или же показывалось мне в безжалостном, циничном свете его холодных, жестоких рассуждений⁵⁷.

Неотвратимо приближался перевод Петра из Санкт-Петербурга на Украину, и его жена содрогалась при одной мысли об этом. В своём последнем письме из Петербурга, адресованном сестре Екатерине, она писала: «Признаюсь, мне страшно даже вспоминать о том, что нам необходимо вернуться в какой-нибудь Оскол или Романьково! О, Боже, дай мне терпения». Вскоре она решила, что в этом *нет* необходимости; пришла пора расстаться с мужем, хотя бы на время. Поэтому она переехала к своим родителям.

Её решение совпало с большими переменами в жизни семьи Фадеевых. Незадолго до этого Андрей Михайлович был назначен попечителем калмыцких племён и немецких колонистов в Астрахани. Этот полувосточный город стратегически расположен в устье Волги, в том месте, где река впадает в Каспийское море. Много веков назад викинги, предки Е. П. Блаватской, использовали Волгу в качестве торгового пути на рынки Ирана и Дальнего Востока.

Андрей Михайлович был вызван вышестоящим начальством в Санкт-Петербург для получения указаний относительно его новой должности. Прибыв в Петербург, он застал там семью Ган. Когда же он отбыл обратно в Астрахань, Елена Андреевна с детьми отправилась вместе с ним. Мать Блаватской писала: «Она отправилась в путь, под защитой и покровительством отца, на другой конец России. Ни расстояние в тысячу вёрст, ни тяжелые, изматывающие дороги не пугали её»⁵⁸. Под попечительством Андрея Фадеева находились сотни тысяч буддистов, что позволило Елене Петровне впервые соприкоснуться с восточной религией.

В Россию калмыцкий народ мигрировал в XVI в. из Китая. В Астрахани Фадеевым и Ганам доводилось бывать в гостях у калмыцкого предводителя, князя Серебджаба Тюменя. Его дом в европейском стиле располагался на одном из островов в дельте Волги. Князь проводил дни в молитве в построенном им буддистском храме. В молодые годы, после того как Россия одержала победу над Наполеоном, он собрал полк из своих людей и принял участие в триумфальном шествии на Париж. За это его пожаловали царскими наградами⁵⁹.

Елена Андреевна прожила в Астрахани около года и написала здесь два романа. Один из них повествовал о жизни калмыков – впоследствии он был переведен на французский. Действие второго разворачивалось на Кавказе, куда семья часто приезжала в последние годы ради горячих источников, которыми славится эта местность.

⁵⁶ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 453.

⁵⁷ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 454.

⁵⁸ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, август 1886, вып. 51, ч. 5, с. 354.

⁵⁹ Оммер де Гелль, Путешествие по Прикаспийским Степям и Югу России... Лондон, Chapman Hall, 1867. – С. 165–68.

Глава 5

И снова в путь

Уход жены несколько отрезвил Гана. К тому же он соскучился по горячо любимым детям. Через какое-то время Пётр Алексеевич попросил Елену Андреевну вернуться. Вскоре семья воссоединилась и продолжила своё странствие по военным гарнизонам.

Их первым пристанищем стала Полтава, где они задержались дольше обыкновенного. За детьми присматривала гувернантка, Антония Кюльвайн, что значительно облегчило для Елены Андреевны тяготы материнства. Долгие годы она провела с семьёй как учитель и близкий друг. Елена Андреевна продолжила уроки игры на фортепиано со старшей дочерью. Позже, когда у девочки обнаружился музыкальный талант, с ней начали заниматься учителя музыки. У Елены Андреевны был чудный голос, по вечерам она пела русские народные песни и аккомпанировала себе на фортепиано, а Антония учила детей танцевать. Это было прекрасное, золотое время, о котором дети впоследствии вспоминали с теплом и любовью⁶⁰.

К счастью, большая часть событий того времени нам хорошо известна благодаря дневнику Веры, младшей сестры Елены Петровны. Она начала вести его в 10-летнем возрасте, описав и прошедшие годы, пока воспоминания были ещё свежи⁶¹. Позже эти дневники послужили основой для двух её автобиографий: «Как я была маленькой» и «Моё отрочество». Обе автобиографии были переведены на английский для этой книги, поскольку они являются кладом бесценной информации о занятиях Елены Петровны и судьбе её семьи. Повзрослев, Вера продолжила описывать свою сестру как «женщину со своими достоинствами и недостатками». И даже «питая к ней горячую любовь», она «не собиралась преувеличивать её заслуги». Вера «не испытывала отторжения к её учениям, но и не была увлечена ими настолько, чтобы позабыть идеалы и высокие истины христианства, в свете которого», как она считала, «померкли все возвышенные и нравственные учения древности»⁶².

Вера стала популярной и самобытной писательницей. Её сочинения были таким же источником вдохновения для детей в России, как рассказы Луизы Мэй Олькотт для американской молодёжи. В лондонском журнале «Обзор обзоров» говорится, что Вера писала и для взрослых читателей. Среди её работ 12 романов, 60 рассказов, две пьесы – драма и комедия, обе удостоены премии Новороссийского университета, и «книги для народа», которыми зачитывались во всех муниципалитетах страны⁶³. Свои произведения она создавала под именем Вера Желиховская, взяв фамилию второго мужа.

⁶⁰ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Т. 2, с. 4.

⁶¹ Желиховская В. П. «Необъяснимое или необъяснённое: из личных и семейных воспоминаний». *Ребус*, 1885. – Вып. № 6. – с. 60.

⁶² Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская: Биографический очерк. *Русское обозрение*, ноябрь 1891. – с. 243–245.

⁶³ Sketches C., *Review of Reviews*, London, 1893. – с. 659.

Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919), тётя Е. П. Блаватской

Вере было всего два года, когда семья жила в Полтаве. Вот как она вспоминает об этом времени в автобиографии «Как я была маленькой»:

Помню, что мама часто болела, а когда была здорова, то подолгу сидела за своей зелёной коленкоровой перегородкой и всё что-то писала. Место за зелёной перегородкой называлось маминим кабинетом, и ни я, ни старшая сестра, Лёля, никогда ничего не смели трогать в этом уголке, отделённом от детской одною занавеской. Мы не знали тогда, что именно делает там по целым дням мама. Знали только, что она что-то пишет.

Через четыре года Вера с удивлением узнала о том, что её мама пишет книги. Антония рассказала ей, что мамы произведения печатаются в журнале вместе с сочинениями других авторов, и им за это платят деньги.

– А маме тоже платят? – спросила Вера.

– Да, ей платят много денег. Этими деньгами она расплачивается с гувернантками и учителями за работу и покупает книги для себя или для нас.

– А тебе она тоже платит?

– Нет, – ответила Антония, – мне она не платит. Я получаю деньги от царя. А с вами живу, потому что люблю вашу маму больше всех на свете.

История о том, как Антония стала получать средства от царя, похожа на сказку о Золушке, только намного более печальную. Судьба впервые улыбнулась ей, когда её приняли в Екатерининский институт. Он был основан императрицей Екатериной Великой для обучения девушек из благородных семей. Антония окончила институт с отличием и получила от царя Николая I золотую медаль. Узнав о том, что она сирота, царь предложил ей выбор. Она могла остаться на попечении школы и в дальнейшем преподавать либо получать пожизненное пособие из казны. Антония выбрала второй вариант, так как хотела повидать мир⁶⁴.

* * *

Батарею Петра перевели из Полтавы в другую часть Украины. Весной 1839 г. его жена с детьми уехала в Одессу, чтобы поддержать слабое здоровье минеральными водами. Здесь Елена Андреевна решила осуществить свой давний замысел – найти гувернантку, способную обучить детей английскому языку, который она считала неотъемлемой частью хорошего образования. Но кто согласится сопровождать семью в их путешествиях в дальние, безлюдные места? Молодая женщина из Йоркшира, Августа Джефферс, согласилась «стойко переносить тяготы путешествий» и «никогда не расставаться с семьёй». Через несколько лет мисс Джефферс всё же оставила семью, а её место заняла другая юная обрусевшая англичанка, которая помогала детям не забыть язык⁶⁵.

⁶⁴ Желиховская В. П. Как я была маленькой. Т. 2. – с. 129–132.

⁶⁵ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, сентябрь 1886, ч. 8. – с. 560, 562. Желиховская *Как я была маленькой*, с. 326, 115. Желиховская В. П. *Моё отрочество*, 3-я ред., 1900, ч. 1, разд. 12, с. 59.

Глава 6

В гостях у бабушки и деда

После отдыха в Одессе семья провела безотрадное лето в Польше, куда перевели Петра. Здоровье Елены Андреевны не улучшалось. К тому же она снова была в положении. Поэтому по поручению её родителей рядом с ней постоянно находился молодой врач Василий Бенценгер⁶⁶. Когда родители Елены Андреевны переехали из Астрахани в Саратов, крупный город на Волге, а отец стал саратовским губернатором, она приехала к ним с детьми, оставив мужа в Польше. В Саратове они провели год, наполненный счастьем, в идеальной обстановке. Елена Андреевна стала чувствовать себя значительно лучше, что дало ей возможность снова начать писать. В июне 1840 г. на свет появился мальчик, Леонид⁶⁷.

Именно в тот период, когда Елене Петровне уже шёл 10-й год, мы начинаем узнавать что-то о её личности. Вера ещё мало что помнила и понимала, будучи на четыре года младше сестры. А вот тётя Надя, которая была на два года старше Елены, сохранила немало воспоминаний о том времени, о которых впоследствии поведала А. П. Синнетту, первому биографу Блаватской:

Ребёнком Елена испытывала симпатию и сочувствие в основном к людям более низкого класса. Она всегда больше любила играть с детьми слуг, чем с детьми своего круга, и... постоянно приходилось следить за тем, чтобы она не сбежала из дома и не подружилась с оборванными уличными мальчишками. И в дальнейшей жизни она всегда сопереживала тем, чьё положение было более скромным, чем её собственное, и выказывала подчеркнутое равнодушие к «аристократии», частью которой была по праву рождения⁶⁸.

Она была прерастранной девочкой с крайне противоречивым характером. Озорство в ней сочеталось со склонностью к мистическому и метафизическому... Трудно было найти более непослушного сорванца, способного на всевозможные шалости... Но в то же время, как только приступ озорства заканчивался, она бралась за учёбу с рачительностью, достойной седовласого профессора; и тогда её невозможно было заставить отложить книги, которые она не выпускала из рук круглые сутки, пока длился этот порыв. Даже огромной библиотеки её бабушки и дедушки едва хватало для того, чтобы утолить её жажду...⁶⁹

Одна её особенность часто доставляла неприятности: у Елены была привычка говорить людям в лицо всё, что она о них думала, чего в приличном обществе делать не принято. Этим она «шокировала многих людей и ставила своих родных в крайне неудобное положение». Вместе с тем, «она была так добра и отважна, что с лёгкостью решилась бы отдать и сделать всё, что угодно, для друга, нуждающегося или несправедливо обиженного человека». «Она совершенно не помнила причинённых ей обид и зла»⁷⁰.

⁶⁶ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, ч. 9, с. 565.

⁶⁷ Желиховская В. П. Как я была маленькой, гл. 1–23. Фадеев, *Воспоминания*, ч. 1, с. 148, 167.

⁶⁸ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 28.

⁶⁹ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 32–33.

⁷⁰ Годы спустя один из её учеников вспоминал: «Удивительной особенностью Е. П. Блаватской было то, что она никогда, ни разу в жизни не держала зла и не обижалась на критику. В её поведении не было ни намёка на раздражение или неодобрение в отношении событий минувших дней. Любой проступок моментально стирался начисто и забывался, как только становился прошлым». (*Бетрам Кейтли*. Воспоминания о Е. П. Блаватской. С. 25.)

⁷¹ Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской. *Ребус*, с. 245, 247.

Глава 7

Рождество на Украине

Следующей весной семья Ган воссоединилась на Украине. В распоряжении Елены Андреевны были просторные комнаты, в которых она могла писать. Вера вспоминает, что «единственным досугом её матери был писательский труд; её отрадой и утешением стали подрастающие дети, на которых она сосредоточила все свои чаяния и надежды»⁷².

Елена Петровна решила изучать немецкий и начала брать уроки у Антонии три раза в неделю. Восхищённый замечательными успехами дочери, Пётр Ган воскликнул: «Достойный потомок своих славных предков, немецких рыцарей рода Ган-Ган фон Ротерган, которые не знали другого языка, кроме немецкого»⁷³.

Осенью Елена Андреевна серьёзно заболела. Доктор Бенценгер советовал ей немедленно ехать лечиться в Харьков, но она решила подождать до весны и поехать в Одессу, где у неё было много друзей.

Автобиография Веры «Как я была маленькой»⁷⁵ рисует сокровенную картину последнего Рождества, которое дети провели с матерью⁷⁶.

Пришла зима. Занесло, замело все поля, все дороги снегом... Заперлись, законопатились окна и двери, затрепал яркий огонь в печках; пошли длинные-длинные вечера, а серые деньки замелькали такие коротенькие, что невозможно было успеть покончить уроков без свечей.

До самых рождественских праздников я не запомнила ни одного случая, который бы сколько-нибудь нарушил однообразие нашей жизни. Перед Рождеством папа ездил в Харьков и навёз оттуда всем подарков и много чего-то, что пронесли к маме в комнату под названием кухонных запасов. Занятые своими книжками с картинками, мы не обратили на это никакого внимания.

Вечером нас позвали в гостиную, где мы увидели, что все собрались при свете одной свечи, и ту папа задул, когда мы вошли.

– Что это? Зачем такая темнота? – спрашивали мы.

– А вот увидите зачем! – отвечала нам мама.

– Не шевелись! – сказала Антония, повёртывая меня за плечи. – Стой смирно и смотри прямо перед тобою.

Мы замерли неподвижно в совершенном молчании... Я открыла глаза во всю ширину... но ничего не видала.

Вдруг послышалось шуршание, и какой-то голубой, дымящийся узор молнией пробежал по тёмной стене.

– Это? – вскричали мы.

– ! Смотрите, какой у мамы огненный карандаш! Что она рисует! – раздался весёлый голос папы.

⁷² Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской, с. 246.

⁷³ Биография Миде не только рисует образ матери Е. П. Блаватской, равнодушной к дочери, но и утверждает, что отец тоже был с ней холоден. Пытаясь компенсировать отсутствие ласки со стороны отца, считает Миде, Елена фантазировала, будто провела с ним три месяца в путешествии по Лондону и Парижу.

⁷⁴ Желиховская В. П. Как я была маленькой, с. 117.

⁷⁵ Изначально Вера писала рассказы для своих детей. Однако уже через несколько лет истории о Вере и Елене (Лёли, или Лоло) читали дети со всей России.

⁷⁶ Желиховская В. П. Как я была маленькой, с. 214–216.

На стене быстро мелькнуло лицо с орлиным носом, с ослиными ушами... Потом другой профиль, третий... Под быстрой маминой рукой змейками загорались узоры, рисунки...

– Читайте! – сказала она.

И мы прочли блестящие, дымившиеся, быстро тухнувшие слова: «Лоло и Вера – дурочки!»

– Ну вот ещё! – с хохотом закричала Лёля, бросившись к маме. – Покажите, мамочка! Что это такое?.. Чем вы пишете?

– А вот чем! – сказала мама и, чиркнув крепче по стене, зажгла первую виденную нами фосфорную спичку. Серные спички явились в России в начале 40-х гг. Ранее того огонь выбивали кремнем.

Наступил канун 1842 г.

Скучный, пасмурный, грустный канун!.. Почти с самого утра мы всё были одни: мама – сказали нам, – нездорова, и зная, что она часто не выходит из спальни, когда больна, мы несколько не удивлялись ни тому, что Антония целый день от неё не отходила, ни даже тому, что отец почти не показывался. Он только пришёл, когда мы обедали втроём с мисс Джефферс; поспешно съел свой борщ, посмотрел на нас через очки, улыбаясь, ущипнул меня за щёку, пошутил с Лёлей и ушёл, сказав, что ему некогда. После обеда мисс Джефферс исчезла тоже.

Мы с Лёлей уселись смиренно в полутёмной комнате, вспоминая с затаёнными вздохами о наших прошлогодних праздниках, о подарках бабушки, о чудесной ёлке Горова, и недоумевая, сделают ли в Саратове без нас ёлку или сочтут Надю слишком большой для этого...

За окном, в жёлтом сумраке, быстро, частой сеткой, мелькали снежные хлопья, и ветер уж начинал подвывать в трубах свою тоскливую, ночную песню.

Не только я, но даже беззаботная, всегда весёлая Лёля присмирела...

Вдруг отворилась дверь, вошла Аннушка с Леонидом на руках, а за нею – её толстая сестра, Марья... наша ключница и швея. Они обе, улыбаясь, сели у стенки, поглядывая то на нас, то на дверь, – словно ожидая чего-то... когда снова отворилась дверь, и мамина горничная, Маша, вошла с ещё более весёлым лицом...

– Барышни! – сказала она. – Идите скорее! Вас маменька к себе зовут!

– Ах! – вскрикнула тут Лёля, хлопнув себя по лбу. – Я знаю зачем!

И выпрыгнув за дверь, она бросилась к маминой комнате. Я, разумеется, за ней, но только добежав до порога спальни, поняла, в чём дело. Совсем неожиданная, разукрашенная ёлочка блистала огнями среди комнаты. Под нею лежали игрушки, а вокруг стояли мама, Антония, папа, мисс, и все улыбались, очень довольные, что, целый день провозившись с ёлкой, нас так искусно обманули⁷⁷.

⁷⁷ Желиховская В. П. Как я была маленькой, с. 217–220.

Глава 8

Горечь утраты

Наступила весна, и поскольку перемен в здоровье Елены Андреевны не было, она поехала лечиться в Одессу в сопровождении всех членов семьи, за исключением мужа, который не мог оставить службу.

История жизни матери Е. П. Блаватской описана биографом Екатериной Некрасовой, в том числе со слов доктора Бенценгера и Веры. Она пишет:

Несмотря на все заботы и усилия известного в Одессе врача Гэно, ей становилось с каждым днём всё хуже. Определённую роль в этом сыграли кровопускания, излюбленное средство врачей того времени... И без этого обессиленная, она становилась всё слабее и ближе к могиле. Боясь не дожить до приезда родителей, Елена Андреевна начала писать прощальное письмо... Она горячо благодарила родителей за всё и умоляла мать не бросать внуков⁷⁸.

Приезд родителей и сестёр вдохнул в неё жизнь, и на этот прекрасный месяц она будто бы снова стала собой. Все так поверили в её скорое выздоровление, что начали строить планы о переезде в Саратов на постоянное проживание⁷⁹. Мать и сёстры Елены Андреевны, Катя и Надя, отлично плавали и часто ходили купаться в Чёрном море. Так и Елена Петровна стала искусным пловцом.

Однако вскоре после этого наступило резкое ухудшение здоровья Елены Андреевны, и она скончалась на руках матери 24-го июня, на 29-м году жизни. Семья была убита горем, дети безутешны⁸⁰. Смерть Елены Андреевны оплакивала вся читающая публика России. Критиком Белинским была написана следующая эпитафия:

Мир праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатых даров своей возвышенной природы!.. Благодарим тебя за краткую жизнь твою: не даром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей... В этом цвете – твоя душа, и не будет ей смерти!⁸¹

В последний месяц жизни Елена Андреевна была поглощена мыслями о детях. Некрасова рассказывает, что в письме к Екатерине (18 ноября 1841 г.) она выказывала волнение за их будущее, «предчувствуя свою скорую смерть». «Мысли об их воспитании не давали ей покоя, – добавляет Некрасова, – она говорила, что хочет дать им хорошее „элементарное“ образование, но единственное доступное ей средство – это её собственное перо». Особенно сильно она беспокоилась о Елене Петровне:

От гувернанток для её старшей дочери не было проку – она быстро их перерастала. Елена Андреевна начала задумываться о том, чтобы отправить её учиться в Одесский институт, хотя институтское образование мало соответствовало её основным убеждениям; но из двух зол всегда выбирают меньшее. Мысль о собственной болезни терзала её по этой причине⁸².

⁷⁸ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, ч. 11, с. 573.

⁷⁹ Желиховская В. П. Как я была маленькой, гл. 35–37.

⁸⁰ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 1, гл. 1, с. 1–4.

⁸¹ Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской, с. 246. Ссылка.

⁸² Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, ч. 11, с. 572.

Вера отмечает, что все эти годы их мать сильнее всего беспокоилась о Елене, «с детства наделённой исключительным характером»⁸³. На смертном одре с губ матери слетели пророческие слова: «Что ж, может быть, это и к лучшему, что я умираю. По крайней мере, я не увижу, что приключится с Еленой! В одном я уверена – её жизнь будет непохожа на жизнь других женщин, и ей придётся много страдать»⁸⁴.

Каких страданий страшилась мать Блаватской? Возможно, ответ на этот вопрос заключается в строках из её произведений «Идеал» и «Напрасный дар»:

Всякая выдающаяся женщина, в особенности писательница, испытает на себе преследование со стороны всего мира... Положение мужчины с высшим умом нестерпимо в провинции; но положение женщины, которую сама природа поставила выше толпы, истинно ужасно.

Стоглавая гидра общественного мнения, объявив её бессмертной, втопчет в грязь её благородные чувства... И напрасен дар её, напрасны все порывы к усовершенствованию; она как преступник, отверженный обществом, не вырвется более ни к свету, ни к жизни⁸⁵.

Елене Андреевне и самой довелось столкнуться с враждебностью и злопыхательством провинциальных умов⁸⁶.

В другой её повести, «Суд света», героиня изобличает жестокость провинциального общества в предсмертном письме: «Члены этого страшного трибунала все люди малодушные. С позорной плахи, на которую он положил голову мою, когда уже роковое железо смерти занесено над моей невинной шеей, я ещё взываю к вам последними словами уст моих: „Не бойтесь его!.. он раб сильного и губит только слабых...“»⁸⁷.

Должно быть, Елена Петровна не раз перечитывала эти строки, проливая над ними слёзы, как и над другими сочинениями своей матери, которые были опубликованы в форме изящного четырёхтомника через год после её смерти – как живое наследие для её детей.

⁸³ Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской, с. 246.

⁸⁴ Нефф М. Личные мемуары Е. П. Блаватской. – Уитон: The Theosophical Publishing House, 1971. – с. 17. Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская, Lucifer, ноябрь 1894, с. 204.

⁸⁵ Бобрицкая Л. П. Елена Андреевна Ган, с. 457.

⁸⁶ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, ч. 8, с. 559.

⁸⁷ Некрасова Е. С. Елена Андреевна Ган, 1814–1842, ч. 9, с. 566.

Глава 9 В Саратове

Вскоре после смерти Елены Андреевны дети переехали в Саратов насовсем. Путешествие по живописным степям России несколько скрасило горечь утраты. Их путь пролегал и через пустыни, где лошадей, тянувших две большие кареты Фадеевых, к восторгу детей пришлось заменить верблюдами.

По приглашению князя Тюменя они на сутки остановились в калмыцком улусе. Там им своими глазами довелось увидеть жизнь кочевых племён в пустыне. Княжна Елена, хорошо осведомлённая о традициях калмыцких буддистов, поведала о них внукам. Она рассказала им о молитвенном колесе:

– Если буддисты слишком заняты или устали, чтобы молиться, они крутят ручку колеса так быстро, как только смогут; в это время внутри колеса вращается свёрток с молитвами. Один раз повернул – всё равно что помолился.

– Вот дураки! – заявила Вера.

Елена парировала:

– Дураки есть и среди наших людей. Разве вращать колесо – это не то же самое, что бездумно бормотать себе под нос молитву...?

И она рассмешила детей, напомнив, как их ключница, помолясь перед иконами, кричала на горничных и раздавала им оплеухи.

В Саратове у детей началась новая жизнь – вдобавок к Антонии у них появились три новых учителя. Одна из них – француженка Генриетта Пекёр – в дни французской революции была редкой красавицей. Синнетт писал о ней:

Её любимым занятием было рассказывать детям о том славном, прекрасном времени, когда «фригийские красные колпаки» выбрали её на роль богини свободы в уличном фестивале Парижа. День за днём она купалась в лучах славы, двигаясь по улицам города в пышной процессии. Сама рассказчица ныне представляла собой забавную старушку, согбенную под тяжестью лет, и более походила на злую фею Карабос, чем на кого бы то ни было. Но её юных благодарных слушателей трогало красноречие и очарование описываемых событий... Лёля тут же заявила, что будет «Богиней свободы» всю свою жизнь⁸⁸.

Следующим летом Елена нашла свой собственный «зал свободы» в огромном загородном особняке, полном подземных тоннелей, заброшенных коридоров, башен и укромных уголков, который семья арендовала на весь сезон. Вера вспоминает:

Нам позволили исследовать тоннели в сопровождении полдюжины мужской прислуги с фонарями и факелами... Елена не удовольствовалась одним-единственным визитом, впрочем, и второго ей тоже не хватило. Она сделала это зловещее место своим залом свободы и надежным убежищем, где она могла скрываться, прогуливая уроки. Прошло много времени, прежде чем её секрет был раскрыт... Из старых сломанных стульев и столов она соорудила себе башню в углу под окном, запертым на железный засов. Там, под самым сводом потолка, она могла прятаться часами, читая Книгу Премудрости Соломона, в которой были собраны всевозможные легенды...

⁸⁸ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, c. 29.

Что до сказок, среди бесчисленной дворни Фадеевых была одна старая няня, которая славилась своим умением их рассказывать... В отличие от всех нас, с детской беззаботностью забывавших услышанное, Елена никогда не забывала этих сказок и не считала их выдумкой. Она всем сердцем сопереживала героям и верила, что все удивительные приключения происходили на самом деле⁸⁹.

Елена не только любила слушать и читать истории, целиком отдаваясь воображению, но и мастерски рассказывала свои собственные. Из воспоминаний Веры:

Примерно в десяти верстах от губернаторской усадьбы было поле, обширный песчаный участок земли, когда-то, очевидно, бывший дном моря или огромного озера, поскольку в почве находились окаменелые останки рыб, моллюсков и зубов неведомых (нам) чудовищ. Большая часть этих останков была разрушена и истёрта временем, но порой можно было найти целые камни, на которых отпечатались фигуры различных видов рыб, растений и животных, ныне вымерших, но, несомненно, существовавших в доисторические времена. Не счесть удивительных и поразительных историй, которые мы, дети и школьницы, слышали от Елены в ту эпоху. Я хорошо помню, как она, растянувшись на песке, подперев голову ладонями и глубоко погрузив локти в мягкий песок, мечтала вслух и рассказывала нам о своих видениях, ясных, живых, и таких же осязаемых для неё, как сама жизнь!..

Как чудно она рассказывала нам о подводной жизни всех этих существ, чьи искорёженные останки теперь рассыпались в прах вокруг нас. Как живо она описывала их прошлые сражения на том самом месте, где она лежала, уверяя нас, что видела это своими глазами; и как подробно она рисовала пальцем на песке фантастические очертания давно исчезнувших морских чудовищ, буквально заставляя нас увидеть красочную флору и фауну этой ныне безжизненной местности...⁹⁰

Уже в то время Елена говорила о реинкарнации.

Особое удовольствие ей доставляло собрать вокруг себя компанию из младших детей, как начнёт смеркаться, и, приведя всех нас в большой тёмный музей (в кабинете её бабушки), заставить, затаив дыхание слушать её фантастические истории... Каждое чучело животного в музее по очереди доверялось ей и рассказывало историю своих предыдущих инкарнаций, то есть жизней. Где она могла услышать о реинкарнации? Кто в христианской семье мог посвятить её в тайну метемпсихоза? Как бы то ни было, она растягивалась на своём любимом животном, гигантском тюлене, и, перебирая пальцами его мягкий серебристо-белый мех, повествовала о его приключениях, о которых будто бы узнала от него самого. И настолько яркими и убедительными были её истории, что даже взрослые против своей воли находили их интересными⁹¹.

Среди слушателей Елены были и дети крепостных. В России крепостное право прекратило своё существование в 1861 г., за полтора года до того, как Линкольн отменил рабство в Америке⁹². В семье Фадеевых к крепостным относились скорее как к членам семьи, и княжна Елена никому не позволяла обижать их. В этом Елене Петровне как-то пришлось убедиться на собственном опыте. Через много лет эту историю от самой Е. П. Блаватской услышал Г. С. Олькотт, президент Теософского общества, и записал её в своих «Листах старого дневника»:

⁸⁹ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 30–31, 41. Желиховская В. П. Как я была маленькой, гл. 24, 25.

⁹⁰ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 37–38.

⁹¹ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 39–40.

⁹² Прокламация об освобождении рабов была издана в Соединённых Штатах 22 сентября 1862 г.

...Однажды, разгневавшись на старую няню, прожившую в семье Фадеевых всю жизнь, она ударила её по лицу. Когда об этом стало известно бабушке, она позвала девочку к себе, расспросила её, и той пришлось признаться в содеянном. Тогда бабушка, позвонив в колокольчик, созвала всех слуг, коих в доме было множество, и собрала их в большом зале. Она сказала внучке, что ударить беззащитную крепостную, которая не осмелится себя защитить, – поступок, недостойный истинной леди; и приказала ей попросить прощения у няни и поцеловать её руку в знак искренности.

Сперва ребёнок, пунцовый от стыда, был готов воспротивиться; но бабушка пригрозила, что выгонит её из дома с позором, если она сейчас же не повинуется. Она добавила, что ни одна по-настоящему благородная дама не откажется признать свою неправоту перед прислугой, особенно той, которая своей верностью заслужила любовь и доверие господ.

Будучи от природы доброй и сострадательной по отношению к людям более низкого сословия, девочка разрыдалась, встала на колени перед старой няней, поцеловала её руку и попросила прощения. Стоит ли говорить о том, что с этого времени она пользовалась всеобщим обожанием прислуги. Она рассказала мне, как много для неё значил этот урок, который научил её важному принципу – быть справедливым к тем, чьё социальное положение не позволяет ответить обидчикам⁹³.

Вспыльчивый характер Елены с возрастом не стал спокойнее. Однажды Генри Олькотт спросил об этом её учителей-Махатм: «Я спросил, почему её взрывной темперамент нельзя постоянно контролировать, и почему она не может постоянно быть умиротворённым средоточием мудрости», которым она бывала временами. Ему ответили, что «такой подход непременно привёл бы её к скорой смерти от апоплексии; в её теле жил пылкий, необузданный дух, с детства не ведавший запретов; и если бы её безудержная энергия не находила выхода, результаты были бы плачевными». Олькотт продолжает:

Мне посоветовали ознакомиться с историей её предков, русского рода Долгоруких, чтобы понять, что имелось в виду. Я последовал совету, и увидел, что этот благородный и воинственный род, восходящий к Рюрику, всегда отличался отвагой, бесстрашием перед лицом любой опасности, страстной любовью к свободе и независимости и отсутствием страха перед последствиями исполнения их желаний.

⁹³ Олькотт Г. С. Листы старого дневника, Т. 3, с. 9–10.

Глава 10

Загадочные происшествия

Для Елены вся природа была полна загадочной, неизведанной жизни, – рассказывает Вера. – *Она слышала голоса разных предметов и веществ, живых и мёртвых*; и верила, что сознание есть не только у таинственных сил, которые она видела и слышала там, *где другие могли разглядеть лишь пустое место*, но и у неодушевлённых предметов, таких как галька, литейная форма и фосфоресцирующая гнилушка⁹⁴.

Вероятно, по причине этих убеждений Елену тянуло к 100-летнему старцу по прозвищу Бараний Буерак, который жил недалеко от Саратова. Поговаривали, что он святой, знахарь и целитель. Его жилище находилось в овраге в соседнем лесу. «Он знал всё о целительных свойствах трав и цветов, – рассказывает Вера, – о нём ходили слухи, будто он умеет предсказывать будущее». Личность Буерака обладала в глазах Елены «невообразимой притягательностью», продолжает Вера:

Она приходила к таинственному старцу, как только выдавалась возможность... Оказываясь там, она засыпала его вопросами и увлечённо слушала его разъяснения о том, как научиться понимать язык пчёл, птиц и животных... Он постоянно говорил нам о ней: «Маленькая барыня совсем не такая, как вы все. Великие события ожидают её в будущем. Жаль, мне не дожить до исполнения своих предсказаний о её судьбе; но *все они свершатся!*»⁹⁵.

Мудрая персона иного порядка, нежели Буерак, по-видимому, была заинтересована в благополучии Елены. «Из раннего детства у неё осталось воспоминание, – пишет Синнетт, – о видении степенного защитника, чей образ то и дело возникал в её воображении с самого нежного возраста. Этот защитник всегда был один и тот же, его черты не менялись; впоследствии она встретила его вживую, и он был ей так знаком, будто она знала его с детства»⁹⁶.

Нет никаких свидетельств того, что Елена рассказывала своим родным об этом человеке. Однако Вера упоминает, что в детстве Елена говорила: «Мудрецы существовали во все времена, существуют они и в наши дни, но открываются лишь тем, кто достоин видеть и знать их, тем, кто поверит им, а не поднимет на смех»⁹⁷.

Возможно, именно так называемому защитнику она обязана своей неуязвимостью, если верить тому, что рассказал Синнетт о некоторых случаях из её жизни. Первое происшествие случилось с ней в семейной галерее, где висели портреты её предков Долгоруких. Одна из картин возбуждала любопытство Елены. Она была занавешена и висела так высоко, что до неё нельзя было дотянуться. Родные не говорили, кто был на ней изображён, поэтому Елена однажды незаметно проникла в комнату, когда никого рядом не было. Далее со слов Синнетта:

Она придвинула к стене стол и ухитрилась водрузить на него ещё один небольшой столик, сверху которого поставила стул, и, наконец, взобралась на эту шаткую конструкцию. Едва доставая до картины, она опёрлась одной рукой о пыльную стену, а другой изловчилась отдёрнуть занавеску. Вид картины так впечатлил её, что она вздрогнула, и этого движения хватило

⁹⁴ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, c. 35.

⁹⁵ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, c. 42–43.

⁹⁶ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, c. 47–48. Вахтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной Доктрине». – Уитон: Theosophical Publishing House, 1976. – с. 56. Blavatsky H. P. The Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett. – Лондон: T. Fisher Unwin Ltd., 1925. – с. 150.

⁹⁷ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, c. 42.

для того, чтобы опрокинуть неустойчивое сооружение. Что случилось дальше, она не помнила. Она потеряла сознание в тот момент, когда пошатнулась и начала падать, а очнувшись, лёжа на полу, совершенно невредимая. Столы и стул были на своих обычных местах, занавеска полностью закрывала портрет, и она могла бы подумать, что всё это ей приснилось, если бы не отпечаток её маленькой ладони, оставшийся на пыльной стене рядом с картиной⁹⁸.

В другой раз, рассказывает Синнетт, Елена чудом сохранила жизнь при не менее странных обстоятельствах: «Лошадь под ней понесла – она упала, и её нога запуталась в стремях. К тому времени, как лошадь остановилась, Елена могла бы быть мертва, если бы не таинственная сила, которая витала вокруг неё, не давая ей упасть наперекор гравитации».

Как отметил Синнетт в книге «Случаи из жизни мадам Блаватской»: «Если бы подобные удивительные истории были редкостью в жизни мадам Блаватской, я бы не стал включать их в её биографию. Однако, как вы сами убедитесь позже, они составляют основную часть того, что имеет рассказать о ней каждый человек, который когда-либо с ней соприкасался».

Что же касается странных происшествий, описанных в этой главе, то Е. П. Блаватскую явно не удовлетворяла отведённая ей роль участницы. Она хотела понимать их, как и свои растущие психические способности. Но откуда ей было взять книги на подобные темы? В письме к своему другу детства, князю Александру Дондукову-Корсакову, Блаватская упоминает библиотеку, которую её бабушка унаследовала от своего отца, князя Павла. В ней насчитывались сотни книг об алхимии, магии и других оккультных науках. «Все эти книги я прочитала с величайшим интересом ещё до того, как мне исполнилось 15... – пишет она. – Скоро ни Парцельс, ни Кунрат, ни К. Агриппа не смогут научить меня чему-то новому»⁹⁹. Лишь годы спустя, во время путешествия на Восток, она отыскала более подробные ответы на интересующие её вопросы.

* * *

В этой главе встречаются слова *маг*, *магия* и *оккультный*. Следует пояснить, каким смыслом их наделяет Е. П. Блаватская в своих сочинениях. В Теософском словаре напротив слова *маг* приведены цитаты из её собственной книги «Разоблачённая Изида»:

Этот термин, некогда связанный со славой и отличием, со временем приобрёл искажённое значение, далёкое от первоначального. Когда-то он внушал почёт и уважение, обозначая человека знающего и мудрого. Теперь же он превратился в эпитет, описывающий мошенника и обманщика; другими словами, шарлатана или того, кто «продал душу дьяволу» применяет свои знания во зло, в низких и опасных целях – согласно учениям духовенства... Это слово производное от *магх*, мах или *маха* – что в переводе с санскрита означает «великий», то есть человек, обладающий эзотерическими знаниями.

Е. П. Блаватская добавляет, что в латыни есть слово *Magi* – «волхв», известное всем из истории рождения Христа, в которой три мудреца, или волхва, увидели Вифлеемскую звезду¹⁰⁰.

Блаватская определяет *белую* или *благодетельную магию* как «божественную магию, которой не свойственно себялюбие, жажда власти, почестей или наживы, которая используется

⁹⁸ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 46–47.

⁹⁹ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской. Под ред. С. Jinarajasa. Т. 2. – Адьяр: The Theosophical Publishing House, 1951. – с. 62–63.

¹⁰⁰ Блаватская Е. П. Теософский словарь, Лос-Анджелес: The Theosophy Company, 1930 (точная копия оригинального издания, впервые появившегося в Лондоне, 1892), с. 197. Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида. Юбилейное изд., Т. 1. – Лос-Анджелес: The Theosophy Company, 1968. – с. 34.

только во благо всего мира в целом и своего ближнего в частности. Малейшая попытка использовать собственные сверхъестественные силы для удовлетворения своих желаний превращает их в чернокнижие или чёрную магию».

Термины *белая* и *чёрная магия*, разумеется, никак не связаны с цветом кожи. В статье Е. П. Блаватской «Практический оккультизм», напечатанной в теософском журнале «Люцифер» в 1888 г., говорится: «От одного лишь *внутреннего побуждения* зависит, станет применение сверхъестественных сил чёрной, опасной или же белой, благотворной магией».

В словаре сообщается, что слово *оккультный* происходит от латинского *occultus* – «скрытый». Блаватская утверждает, что истинный оккультизм нисколько не связан с оккультными искусствами, такими как алхимия, месмеризм и культивирование различных психических способностей. В Индии истинный оккультизм называется *атма видья*, что востоковеды переводят просто как «знание души» или «истинная мудрость». На самом деле значение этого термина гораздо глубже. Идущий по этой тропе становится обладателем «благотворных сил природы... не для себя, но для мира, в котором живёт. И лишь когда себялюбивое „я“ сводится к нулю, возможно единение с „высшим Я“... Тогда великолепный Авгоэйд, божественное Я, вибрирует в сознательной гармонии с обоими полюсами человеческой Сущности – с человеком очистившимся и вечно чистой душой» и становится «единым и неразделимым с Ним навсегда»¹⁰¹.

¹⁰¹ Блаватская Е. П. Теософский словарь, 196–198, с. 238. Блаватская Е. П. Практический оккультизм, *Lucifer*, апрель 1888, с. 150–54. Оккультизм против оккультных искусств, май, 1888, с. 173–81.

Глава 11

Отъезд в Тифлис

1845 г. принёс семье Фадеевых немало волнений. Андрея Михайловича принуждали оставить должность губернатора Саратова. Дальнейшая его судьба была неясна. Несколько месяцев он провёл в Петербурге, ожидая перевода на новое место службы. Наконец к нему на помощь пришёл его давний друг, граф Воронцов, наместник на Кавказе, который предложил ему занять должность управляющего государственным имуществом на недавно отвоёванной у турков земле. За время службы на Кавказе Андрей Михайлович был несколько раз повышен в звании.

Переезд из любимой России в «варварскую Азию» оказался настоящей пыткой для семьи. К тому же ехать туда без вооружённого сопровождения было небезопасно. Сотня тысяч русских солдат были расквартированы на Кавказе, чтобы защищать границы и отражать набеги черкесских горцев на местное население¹⁰². Годы спустя дядя Елены Ростислав написал обзор «Шестьдесят лет Кавказской войны», ставший классическим источником сведений о конфликтах множества этнических и религиозных общностей, которые жили на этой экзотической субтропической территории с её пышной растительностью и величественными снежными вершинами. В своё время эти чудеса и остатки древней иранской мусульманской культуры привлекли таких видных деятелей культуры, как Пушкин, Толстой, Чехов и Чайковский¹⁰³.

Чета Фадеевых вместе с юной Надей первыми отбыли из Саратова, чтобы совершить все необходимые приготовления для приезда остальных. По мере того, как они приближались к Астрахани, толпы немецких иммигрантов, которые и спустя 10 лет помнили Андрея Михайловича за его честность и принципиальность, горячо приветствовали его каждый раз, как судно швартовалось к причалу, чтобы пополнить запасы топлива и провизии.

Спустя несколько недель путешествия по морю и суше они наконец прибыли в столицу Грузии, Тифлис, современный Тбилиси. Оставшимся дома пришлось немало поволноваться, ожидая вестей об их благополучном прибытии, ведь в то время письма могли идти месяцами.

Пройдёт почти год, прежде чем дети Елены Андреевны и их тётя Екатерина с мужем Юлием Витте и двумя сыновьями смогут воссоединиться с родными. Тем временем в их жизни тоже наблюдались большие перемены.

Лето и осень они провели на другом берегу Волги, где Юлий Витте управлял большим государственным хозяйством. Вера писала:

Что за зелёное, широкое раздолье, что за тишь да гладь да Божья благодать представилась нам, детям, непривычным к настоящей деревне, в этом степном заволжском просторе... Здесь не было ни гостей, ни шумного съезда наших подруг; ни фейерверков, ни акробатов, ни музыки, которыми нас баловали в последние годы пребывания наших на даче. К нам близко подступила простая сельская жизнь, с её работами, о которых мы и понятия иметь не могли. Лёля, увлекаясь своими фантазиями, внушила мне мысль, что мы теперь обратились в «совсем простых девочек», в племянниц «сельского фермера»; а дядя наш такой же простой фермер, как farmer Gray в английской повести этого имени.

Детей переполняла «простая, здоровая энергия» их новой жизни¹⁰⁴.

¹⁰² Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 181–85.

¹⁰³ Louis, The Complete Guide to the Soviet Union, с. 520.

¹⁰⁴ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 1, гл. 28, 29, ч. 2, гл. 1, с. 2, 5.

С приходом зимы семья вернулась в Саратов, но не в поместье губернатора, а в крошечный домик с комнатками не больше чулана. Елена сокрушалась: «Вот она, настоящая бедность!» С щемящей тоской смотрели девочки на свой старый дом, который теперь занял новый губернатор¹⁰⁵.

В мае 1847 г. пришло время уезжать в Тифлис. В своих мемуарах Вера живо и красочно описывает их путешествие, полное событий, и первые годы жизни на Кавказе¹⁰⁶.

Семья поселилась на окраине города в недавно выстроенном прекрасном дворце, который принадлежал коммерсанту из Армении. Через год они переехали в особняк, прежним владельцем которого был князь Чавчавадзе. В нём обе семьи – Фадеевы и Витте – прожили 20 лет и вернулись в Одессу уже после смерти Елены Павловны, Андрея Михайловича и Юлия Витте.

Летом улицы Тифлиса превращались в настоящее пекло, и все, кто мог, спасались от жары в горах. Поэтому за последующие годы дети Ганов со старшими родственниками объездили множество горных оздоровительных центров и минеральных источников, которыми славится Кавказ¹⁰⁷. Вера рассказывает о том, как во время одной из поездок Елена, Надя, Екатерина и её муж едва избежали смерти: «ранним же летом снега на кавказских великанах начинают таять, сползают, тяжестью своей всё увлекая, заваливая пути и погребая под собою встречных путешественников. В то время перевал через горы был гибелью сотен людей». Семья своими глазами наблюдала сход лавины с пика Майорши, от которой они чудом спаслись: «По самой счастливой случайности, дядя Юлий Фёдорович, жалея измученных лошадей, едва втащивших экипажи на Кайшаурские высоты, приказал отдохнуть несколько минут возле духана. Пока вынесли ямщикам по стакану водки, прошло, быть может, минут 10, – и они-то и оказались спасительными: не пережди они их, весь поезд, как раз, попал бы под массу снега, и все скатились бы навеки в пропасть...»¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 1, с. 54.

¹⁰⁶ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, гл. 11.

¹⁰⁷ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 190–93.

¹⁰⁸ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 277.

Глава 12

Прощание с детством

В возрасте 16 лет в жизни Елены Петровны, по-видимому, наступил переломный момент. С того времени, говорила она, «у меня всегда была *вторая* жизнь, таинственная, непостижимая даже для меня, до тех пор, пока я во второй раз не встретила моего ещё более таинственного индуса»¹⁰⁹. До сих пор она вела активную общественную жизнь, полную танцев и балов¹¹⁰. Госпожа Ермолова, жена губернатора Тифлиса, в разговоре с подругой, Е. Ф. Писаревой, отзывалась о Елене как о «блестящей, но своенравной юной леди». Писарева добавила: «Те, кто был давно с ней знаком, вспоминали о ней с восторгом – непоколебимая, импульсивная, жизнерадостная, она так и сыпала колкими шутками и остроумными речами. Она обожала шутить, поддразнивать и создавать сумятицу»¹¹¹. Однако теперь Елена была сильнее, чем когда-либо, погружена в изучение мистических книг в библиотеке своего прадедушки. Как раз в это время она встретила того, с кем могла обсуждать подобные темы: князя Александра Голицына, старшего сына друга семьи Фадеевых, князя Владимира Сергеевича Голицына. По словам Веры, Александр был частым гостем в их доме. В одной из последних статей, «Русский путь к теософии», профессор Академии наук СССР Дмитрий Леонидович Спивак называет князя Александра «известным франкмасоном и мистиком». Через несколько месяцев князь уехал из Тифлиса, и неизвестно, довелось ли Е. П. Блаватской встретить его снова¹¹².

Александр, несомненно, обладал богатым опытом в сферах, которые Елена страстно желала изучить. Он немало знал о святых местах в Греции, Египте, Иране и даже Индии. Неудивительно, что, обладая такими наклонностями, Елена тяготилась ограниченной жизнью и традиционными обязанностями, отведёнными женщинам в те времена. И вдруг случилось то, что, как могло показаться сперва, ещё сильнее ограничило её свободу.

Зимой 1848–1849 гг. Елена, 17 лет от роду, потрясла родных известием о своей помолвке. Ещё куда более удивительным оказался выбор мужа. Надя объяснила, как состоялась помолвка: «Однажды гувернантка сказала Елене, что ни один мужчина не согласится стать её мужем из-за её дурного характера. Она добавила с насмешкой, что даже старик, которого Елена считала уродливым и со смехом называла „беспёрым вороном“ – и тот не возьмёт её в жёны! Этого было достаточно: через три дня он уже просил её руки»¹¹³.

Вскоре, испуганная тем, что натворила, Елена попыталась уговорить своих родственников воспрепятствовать браку. Они отказались, а бабушка Елена была слишком слаба, чтобы вмешаться¹¹⁴. Тогда она попросила жениха отказаться от неё: «Вы совершите огромную ошибку, женившись на мне. Вам же прекрасно известно, что Вы годитесь мне в деды». Но её мольбы не были услышаны. В отчаянии Елена убежала из дома, но вернулась через несколько дней. Никто не знал, где она была всё это время, но её отсутствие дало повод для сплетен, и теперь её родственники сильнее прежнего хотели, чтобы она вышла замуж и остепенилась. Ко всеобщему удивлению, она больше не противилась браку. Как Елена впоследствии рассказала

¹⁰⁹ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской. Т. 2. – Адьяр: *The Theosophical Publishing House*, 195. – с. 61.

¹¹⁰ Желиховская В. П. Как я была маленькой, с. 92. Моё отрочество, ч. 1, с. 76, 96.

¹¹¹ Писарева Е. Елена Петровна Блаватская. *The Theosophist*, январь 1913. – с. 500, 504.

¹¹² Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 35. Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 271–72. A. L. Pogosky, Helena Petrovna Blavatsky: a Chapter out of Her Past, *The Theosophist*, июль 1913, с. 477. Ссылка.

¹¹³ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 54.

¹¹⁴ Blavatsky H. P. The Letters of H. P. Blavatsky to A. P. Sinnett, с. 214, 217.

близким друзьям, её осенило, что, будучи замужем, она избежит от постоянного контроля, который был обычным делом для незамужних девушек из благородных семей того времени¹¹⁵.

Елена вышла замуж за Никифора Блаватского в маленьком городке близ Эривани (ныне Ереван) 7 июля 1849 г. незадолго до своего восемнадцатилетия¹¹⁶. Это было пышное празднество со множеством гостей из Тифлиса. К месту бракосочетания Никифора сопровождали 20 лихих курдских всадников, до которых дошла весть о том, что их бывший комендант собирается жениться¹¹⁷.

Из воспоминаний Нади о дне свадьбы:

Её пытались вразумить беседами о торжественном бракосочетании, её будущих обязанностях перед новоиспечённым мужем и семейной жизни. Через несколько часов, стоя перед алтарём, она услышала обращённые к ней слова священника: «Ты должна почитать мужа своего и повиноваться ему». При звуке ненавистного ей слова «должна» её лицо вспыхнуло от гнева, а затем стало мертвенно бледным. Никто не услышал, как она процедила сквозь сжатые зубы: «Ничего я не должна»¹¹⁸.

Рассказ завершает Вера:

В тот же день после обеда молодые уехали в Даричичаг – горное местопребывание всех эриванских служащих в летнее время. На гору Безобдал, по которой круто извивалась дорога, они въехали верхом. Кроме их оригинального конвоя [Курдов], множество гостей, бывших на свадьбе... поехали провожать их. Въехав на первый уступ, все остановились, Лёля нам махала платком; курды приподняли свои мохнатые пики в знак прощания, некоторые выстрелили, и поезд скрылся.

Я горько заплакала. Особенной дружбы с сестрой у меня не было, – ей мешала разность лет и характеров наших, – но мы друг друга всегда горячо любили. Это была первая наша разлука, и разлука – печальная! Она клала... конец моему детству и отрочеству, конец всему, что было мне доньше близко, мило, что казалось неразрывным со мною¹¹⁹.

Что до Елены, она думала, что навечно расстанется со своей любимой семьёй. Она намеревалась в тот же день сбежать от Никифора и уехать из России через границу с Ираном. Очевидно, она подговорила одного из курдов помочь осуществить её планы, но вместо этого тот рассказал о них её мужу. С того дня она находилась под непрерывной охраной¹²⁰.

Все три месяца совместной жизни между супругами шла непрекращающаяся война характеров. Никифор требовал от Елены исполнения супружеского долга, а она отказывалась. Первые два месяца они провели в Даричичаге («стране цветов»). В конце августа молодожёнов навестили старшие Фадеевы, Надя и Екатерина, после чего они вместе отправились в Эривань¹²¹. Здесь Елена провела последний месяц со своим мужем, ныне губернатором региона. В связи с этой его почётной должностью они жили в сказочно прекрасном Сардарском дворце, бывшей резиденции турецких правителей.

¹¹⁵ Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская. Lucifer, ноябрь 1894, с. 204. Радда-Бай. Биографический очерк. Загадочные племена на Голубых горах. – СПб.: В. И. Губинский, 1893. – с. 23.

¹¹⁶ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, т. 1, с. 36.

¹¹⁷ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 216.

¹¹⁸ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 54–55.

¹¹⁹ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 217.

¹²⁰ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 56–57.

¹²¹ Желиховская В. П. Моё отрочество, ч. 2, с. 303.

На фоне окрестных пейзажей Эривани выделяется библейская гора Арарат. В сопровождении своего стража, курдского князя Сафара Али Бека – который, по словам Е. П. Блаватской, однажды спас ей жизнь, – Елена несколько раз верхом пересекала турецкую границу и огибала гору¹²².

С течением времени отношения с Никифором всё ухудшались, и однажды в сентябре, ускользнув от охраны, Елена ускакала в Тифлис – рискованное путешествие для одинокой женщины в то беспокойное время. «Я укрылась у своей бабушки, – пишет она. – Я поклялась, что убью себя, если меня заставят вернуться»¹²³.

От Елены Петровны Синнетт узнал, что «был созван семейный совет, который принял решение отослать непокорную невесту к отцу». Он обещал встретить дочь в Одессе, и она тотчас же отправилась в сопровождении лакея и горничной в порт Потти, откуда пароход должен был доставить её к отцу. Однако, по словам Синнетта:

Её отчаянная жажда приключений вкупе с подозрением, что отец может попытаться восстановить неудавшийся брак дочери, заставили её внести свои корректировки в планы родственников. Во время поездки по Грузии Елена подстроила несколько сложностей... из-за которых она и её сопровождающие опоздали на пароход в Потти. В порту стояло маленькое английское судно. Госпожа Блаватская поднялась на борт – по её словам, судно называлось «Коммодор» – и убедила шкипера помочь ей за щедрое вознаграждение.

«Коммодор» сперва направлялся в Керчь, затем в Таганрог на Азовском море, и, наконец, в Константинополь. Госпожа Блаватская взяла билеты для себя и своих слуг, якобы до Керчи. По прибытии в порт она отправила слуг на берег, чтобы они нашли комнаты и подготовили их для неё к завтрашнему утру. А ночью, освободившись от последних уз, связывающих её с прошлой жизнью, она уплыла на «Коммодоре».

Это короткое путешествие оказалось богатым на приключения.

Во время проверки «Коммодора» береговой охраной в Таганроге пришлось пойти на ухищрения, чтобы они не заподозрили присутствия лишнего человека на судне. Единственное укромное место – среди мешков с углём – пассажирка сочла непривлекательным, и там пришлось скрываться юнге, в то время как она, притворившись больной, притаилась на его койке. Далее, когда судно прибыло в Константинополь, возникли другие трудности, и ей пришлось спешно добираться до берега в каюке¹²⁴ с молчаливого согласия стюарда, чтобы избежать преследования шкипера.

В Константинополе ей наконец улыбнулась судьба, и она столкнулась со знакомой из России, графиней К[иселёвой]. Они стали близки и вместе посетили Египет, Грецию и другие страны Восточной Европы.

¹²² Blavatsky H. P. Marvellous Spirit Manifestations, *Daily Graphic*, Нью-Йорк, 30 октября 1874, с. 873, *H. P. Blavatsky Collected Writings*, Т. 1, с. 32.

¹²³ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 64.

¹²⁴ Небольшая плоскодонная лодка, которая используется на Босфоре.

Часть 2 В поисках ответов

Глава 1 Начало странствий

Были ли жажда приключений и желание сбежать от мужа единственными причинами, по которым Елена Петровна Блаватская променяла жизнь в роскоши и комфорте на бесчисленные трудности, с которыми одинокая женщина может столкнуться в огромном враждебном мире?

Ответ на этот вопрос содержится в её письмах князю Дондукову-Корсакову, с которым она познакомилась в Тифлисе в бытность его ближайшим помощником наместника. Со временем князь станет киевским генерал-губернатором и главноначальствующим в других регионах. Когда Блаватская писала ему из Индии в 1880 г., он жил в Тифлисе и занимал пост генерал-губернатора Кавказского военного округа¹²⁵.

Пройдёт 70 лет, прежде чем станет известно о существовании этих писем. После смерти князя они попали в руки Лео Семере, венгра неизвестного происхождения. Пытаясь продать их, он обратился в несколько теософских обществ, но затем вдруг исчез, прекратив переговоры. Семере пришёл к убеждению, что эта переписка – его талисман, который дарует обладателю бессмертие. Будучи венгерским политическим активистом, Семере спасался от преследования нацистов, переезжая с места на место. И лишь смертельно заболев, согласился расстаться с перепиской¹²⁶.

В одном из писем к князю Елена Петровна отвечает на его вопрос касаясь обстоятельств, которые привели её к личной встрече с её «таинственным индийским Учителем», который до этого являлся ей лишь во снах и видениях. «Я была в поисках *неведомого*, – писала она. – Если бы, беседуя с вами об алхимии, я рассуждала о брачном союзе „красной Девы“ с „астральным минералом“, то есть о философском камне (единстве Души и Духа), то не послали бы вы меня к чёрту? Но не правда ли, что, высказываясь на определённую тему, мне следует использовать надлежащую терминологию, которая соответствует предмету разговора?»

В этом самом письме Блаватская признавалась в том, что изучала книги из библиотеки прадеда, посвящённые «алхимии, магии и другим оккультным наукам». «Парацельс, Кунрат и Агриппа, – писала она, – все они говорили о „бракосочетании красной Девы с Иерофантом“ или „астрального минерала с сивиллой“, о сочетании женского и мужского начала»¹²⁷, которое на Востоке принято называть гармонией Инь и Ян.

Во времена Е. П. Блаватской образованные люди высмеивали сумрачный язык алхимиков, но сегодня дело обстоит иначе. Последние 30 лет жизни Карл Юнг посвятил «алхимии в религиозно-психологическом смысле»¹²⁸. «Должен признаться, – писал Юнг, – мне нелегко было побороть свойственное многим предубеждение против кажущейся абсурдности алхимии... Однако моё терпение было щедро вознаграждено... Настоящая алхимия не может быть средством обогащения или карьерой, она истинное искусство, которое рождается только в

¹²⁵ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, 2:354, сноска. Уотсон Х. С. Российская империя, 1801–1917, с. 499.

¹²⁶ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 5–16.

¹²⁷ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 61–63.

¹²⁸ Юнг К. Полное собрание сочинений, Т. 13. Изучение алхимии. (Bollingen Series 20). – Принстон, Нью-Джерси, Princeton University Press, 1967.

молчаливом, самоотверженном труде»¹²⁹. Из «Алхимических исследований» Юнга становится ясно, что истинные приверженцы алхимии «не были заурядными золотоискателями, но стремились обладать золотом знаний; их интересовала не трансмутация основных металлов, а психическая трансформация их собственной личности; их целью был не эликсир бессмертия, а философский камень, таинственный *lapis*, символизирующий самого человека»¹³⁰. Блаватская писала, что в мистическом смысле «философский камень символизирует трансмутацию низшей животной природы человека в высшую божественную». Последнюю она называет «универсальным растворителем»¹³¹.

Символ *красная Дева* требует дополнительных разъяснений, поскольку красный цвет у большинства людей ассоциируется со страстью. Юнг утверждает, что «красный и белый являются цветами алхимии; красный символизирует солнце, а белый луну»¹³². Блаватская упоминает схожим образом «божественный золотисто-красный свет солнца», который «не имеет ничего общего с багровой краснотой кама-рупы»¹³³. (Сложносоставное слово «кама-рупа» на санскрите обозначает страстную человеческую натуру.) Как интригующе пишет Юнг, триединство тела, души и духа «должно преобразиться в круг, то есть, в *беспреданное рдение* или вечное пламя». (Выделено курсивом автором текста.)¹³⁴.

С того времени, как Е. П. Блаватская покинула Россию, события её жизни становится сложнее подтвердить документально. Она не вела дневника, и рядом не было её родных, которые могли бы стать свидетелями этих событий. Надя пишет: «За первые восемь лет мы, семья её матери, не получили от неё ни весточки, ни единого признака жизни, поскольку она боялась, что её выследит законный „господин и повелитель“». Лишь её отец «один знал о её местопребывании. Понимая, что он не в силах заставить её вернуться к [Никифору], он молчаливо согласился с её побегом и отсылал ей деньги, когда она находилась там, где могла безопасно получить их»¹³⁵.

¹²⁹ Юнг К. Становление личности. (Bollingen Series 20). – Лондон, Routledge and Kegan Paul, 1954. – с. 28, 238.

¹³⁰ Юнг К. Полное собрание сочинений. Т. 12. Психология и алхимия (Bollingen Series 20). – Принстон, Нью-Джерси, Princeton University Press, 1967.

¹³¹ Блаватская Е. П. Философский камень в Теософском словаре, с. 253. Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида. Т. 1. – Лос-Анджелес: The Theosophy Company, 1968. – с. 309. Копия юбилейного изд., оба тома напечатаны в одной книге, репродукция оригинального изд., впервые опубликована в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, 1877. Блаватская Е. П. Собрание сочинений, 1877. Разоблачённая Изида. Т. 1, Т. 2. Уитон: The Theosophical Publishing House, 1972.

¹³² Юнг К. Изучение алхимии, с. 339.

¹³³ Блаватская Е. П. *Lucifer*, декабрь 1889, с. 272.

¹³⁴ Юнг К. Психология и алхимия, прим. 41, с. 120.

¹³⁵ Sennett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 60, 67. Блаватская Е. П. Letter to Sydney Coryn, 2 ноября 1889. Архивы теософского общества, Пасадена, Калифорния.

Вера Петровна Желиховская (1835–1896), сестра Е. П. Блаватской

Критикам Блаватской кажется невероятным тот факт, что в те дни женщина могла спокойно путешествовать по тем странам, в которых, как утверждалось, она побывала. В личной

переписке с Синнеттом, который в то время находился в процессе создания её биографии, она напишет:

Что, если бы я призналась вам, ни капли при этом не солгав, что [в Индии] я была в мужской одежде (ведь я была очень стройна в то время)? Что бы сказали на это люди? И когда мы со старой графиней [Киселёвой] были в Египте, я переодевалась студентом, к её немалому удовольствию. «Господин студент», так она меня называла. Теперь Вы видите все мои трудности? То, что для другого было бы воспринято как чудачество или каприз, ныне будет лишь компрометировать меня¹³⁶.

В Каире Е. П. Блаватская встретила профессора Альберта Лейтона Росона, который на тот момент был студентом художественного института в Соединённых Штатах. Так как они вновь встретились в Нью-Йорке два или три года спустя, а затем судьба столкнула их в этом же городе в 1870 г., его можно считать важным свидетелем некоторых её путешествий. У самого Росона была интересная жизнь, о которой написано в книгах «Кто есть Кто в Америке» (1607–1896) и «Биографический словарь выдающихся американцев XX века». Он изучал юриспруденцию и участвовал в археологических исследованиях, получил степени доктора богословия и юридических наук в Оксфорде, а также медицинскую степень в парижской Сорбонне. Автор множества книг о религии, филологии и археологии, он четырежды побывал на Востоке.

Свою встречу с Блаватской Росон описал в одной из статей уже после её смерти. Тогда она сказала ему, что занимается делом, которое однажды освободит человеческое сознание от оков. Росон отметил, что «она была совершенно бескорытна в своём стремлении, часто повторяя: „То, что я делаю, исходит не от меня, а от пославшего меня“». (Евангелие от Иоанна, 7:16)¹³⁷.

Путешествие на Средний Восток оказалось для Елены Петровны сплошным разочарованием. Она писала князю Дондукову:

Где бы я ни была – в Афинах, в Египте, на берегах Евфрата – я везде искала свой философский камень... Я жила с кружащимися дервишами, с друзьями Ливана, с арабскими бедуинами и с марабутами из Дамаска. И я нигде его не нашла! Я изучила некромантию и астрологию, гадание на магическом кристалле и спиритуализм – и ни единого следа «красной Девы»!¹³⁸

После этого Е. П. Блаватская отправилась с отцом в путешествие по Европе, о чём она впоследствии сообщила французскому корреспонденту¹³⁹. Вероятно, во время этой поездки они побывали в Лондоне. По её словам, это случилось в 1844-м или 1845 г., но она не отличалась хорошей памятью на даты¹⁴⁰. Исходя из списка событий, который вела Вера, ни Елена, которая на тот момент жила в Саратове, ни её отец, занятый военной службой, не могли в те годы провести несколько месяцев за границей¹⁴¹. Однако в 1850 г. они вполне могли посетить Лондон.

Целью визита могло быть её желание усовершенствовать свои музыкальные навыки. Блаватская упоминала, что ей дал несколько уроков сам «старый Мошелес», виртуозный пианист и композитор, преподаватель Лейпцигской консерватории. Всё это наводит на мысль о том, что

¹³⁶ Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 151, 177.

¹³⁷ Rawson A. I. Madame Blavatsky, a Theosophical Occult Apology, *Frank Leslie's Popular Magazine*, февраль 1892.

¹³⁸ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 65–66.

¹³⁹ Blech C. Contribution à l'histoire de la Société Théosophique en France, Париж, Éditions Adyar, 1933, с. 140.

¹⁴⁰ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 51.

¹⁴¹ Желиховская В. П. Моё отрочество, с. 23, 117, 119, 120. Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, т. 1, с. 33.

она собиралась сделать музыку своей профессией. Говорят, через несколько лет Блаватская в самом деле дала несколько концертов в Англии и континентальной части Европы¹⁴².

По-видимому, Елена Петровна недолго оставалась с отцом. Она направилась в Париж, где, по словам Синнетта, познакомилась «со многими прославленными литераторами того времени, и где знаменитый месмерист, который и сейчас жив, хотя и находится в преклонном возрасте, открыл в ней поразительные психические способности. Он стремился взять её под контроль как медиума. Но не существовало цепей, способных удержать её, и она упорхнула из Парижа, вероятно, чтобы избежать его влияния»¹⁴³.

В начале 1851 г. Е. П. Блаватская вернулась в Лондон, чтобы стать компаньонкой старой подруги семьи, графини Багратион. Они остановились в отеле «Майвартс», который теперь называется «Клэриджес». С момента отъезда из России прошло уже два года, и Блаватская находилась в глубокой депрессии. Слова Вольтера, которыми он охарактеризовал своё состояние, эхом отзывались в её мыслях: «40 лет из своего земного пути я провёл в поисках философского камня истины... и всё ещё остаюсь в неведении»¹⁴⁴.

Спустя 30 лет она рассказывала Дондукову-Корсакову об этом этапе своей жизни:

Испытывая отвращение ко всему миру, устав от бедной старой графини Багратион, которая держала меня взаперти в отеле «Майвартс», заставляя читать Четы-Минеи и Библию, я сбежала на мост Ватерлоо, захваченная отчаянным желанием умереть. Искушение сделать это давно уже подкрадывалось ко мне. На этот раз я ему не сопротивлялась, и мутные воды Темзы казались мне мягкой постелью. Я искала вечного покоя, не сумев найти «камень» и потеряв «Деву»¹⁴⁵.

Затем перед её взором возникла фигура её Учителя и покровителя. Он «пробудил и спас меня, и, чтобы примирить меня с жизнью, пообещал мне „Камень и Деву“», – вспоминает Елена Петровна¹⁴⁶.

¹⁴² Олькотт Г. С. Листы старого дневника. Т. 1. Изд. 3-е, 1974, с. 458.

¹⁴³ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 61.

¹⁴⁴ Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида. Т. 1, с. 268–69.

¹⁴⁵ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской. Т. 2, с. 66.

¹⁴⁶ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской. Т. 2, с. 67.

Глава 2

Памятная ночь

В 1851 году в лондонском Гайд-парке проводилась Всемирная выставка. В великолепном Хрустальном дворце можно было увидеть «промышленные работы всех народов», включая новейшие изобретения в области науки и техники. Королева Виктория открыла выставку в мае, и к моменту её закрытия, в октябре, на ней успело побывать более шести миллионов посетителей со всех частей света. Неизвестно, была ли Е. П. Блаватская впечатлена этим событием века, но именно там состоялось самое необыкновенное знакомство в её жизни. Одну из индийских делегаций сопровождал Учитель из её сновидений! «Я дважды видела его, – писала она Синнетту. – В первый раз он отделился от толпы, затем повелел мне встретиться с ним в Гайд-парке. Я не могу, не должна говорить об этом. Я не хочу рассказывать об этом на весь мир»¹⁴⁷.

Миру стало известно об этой встрече только через два года после смерти Блаватской, когда появилась книга «Воспоминания о Е. П. Блаватской и Тайной Доктрине». Её автор, графиня Констанция Вахтмейстер, вдова бывшего шведского посла в Лондоне, жила с Еленой Петровной в Германии и Бельгии во время создания «Тайной Доктрины».

Графиня писала:

В Вюрцбурге произошёл любопытный случай. Госпожа Фадеева – тётя Е. П. Блаватской – написала ей, что отправила на улицу Людвигштрассе коробку со всяким хламом (вещами, которые Блаватская оставила, покидая Россию в 1860-х гг.). Когда коробку доставили, на меня была возложена задача её распаковать. Одну за другой доставая вещи из коробки и передавая их госпоже Блаватской, я слушала её восторженные возгласы. Она сказала: «Посмотри, что я написала в 1851 г., в тот день, когда увидела моего благословенного Учителя»; и она показала мне альбом для набросков, в котором выцветшими чернилами были начертаны несколько строчек, описывающих эту встречу¹⁴⁸.

Этот альбом всё ещё существует, и здесь вы видите копию одной из его страниц¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 150–151.

¹⁴⁸ Вахтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной Доктрине», 1976, с. 44–45. Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской. Т. 1, с. 3.

¹⁴⁹ Оригинал на французском: *Nuit mémorable! Certaine nuit, par au clair – de lune qui se couchait a Ramsgate 12 Aout: 1851(12 августа – это 31 июля в русском календаре, день моего рождения – 20 лет!) lorsque je rencontrais M. : le Maître – de mes rêves!!Le 12 Aout c'est Juillet 31 style russe jour de ma naissance – Vingt ans!*Перевод на русский: «Памятная ночь! Однажды ночью в свете луны, сиявшей над Рамсгитом 12 августа 1851 г., я встретила М. : – Учителя из моих сновидений!!»

Рис. 1. 1851. Изображение лодки; день, когда Е. П. Блаватская впервые встретила своего Учителя. (Журнал «Теософист», август 1931, с. 558. Архивы Теософского общества в Адьяре)

Графиня спросила Блаватскую, почему упомянут Рамсгит (курортный город на Северном море), если ранее та говорила, что встретила Учителя в Лондоне. Она пишет: «Е. П. Блаватская сказала мне, что это хитрость для отвода глаз, чтобы те, кто случайно откроет её книгу, не узнали, где на самом деле она встретила своего Учителя».

Тогда Елена Петровна поведала графине об обстоятельствах этой встречи:

Однажды она шла по улице и вдруг, к своему изумлению, увидела высокого индуса, окружённого другими индийскими вельможами. Она тотчас же узнала его... Её первым желанием было подойти и заговорить с ним, но он знаком попросил её оставаться на месте. Стоя неподвижно, будто зачарованная, она наблюдала, как он прошёл мимо. На следующий день она пошла в Гайд-парк, чтобы прогуляться там в одиночестве и спокойно подумать об этом диковинном событии. Подняв глаза от земли, она увидела, что к ней приближается знакомая фигура. Учитель сказал ей, что приехал в Лондон с индийскими принцами ради важной миссии. Он стремился встретиться с ней лично, поскольку ему потребуется её помощь в предстоящем деле (о характере которого он не упомянул). Для подготовки к этой важной задаче... ей придётся провести три года в Тибете¹⁵⁰.

Сама графиня находилась «в Англии во время визита индусов и припоминает, что слышала об этой свите изысканно одетых мужчин, один из которых был невероятно высоким»¹⁵¹. По слухам, рост учителя Е. П. Блаватской составлял более двух метров.

¹⁵⁰ Вахтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной Доктрине», 1976, с. 44.

¹⁵¹ Вахтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной Доктрине», 1976, с. 45.

Перед тем как отправиться в Индию, Елена Петровна попросила благословения у отца. Констанция Вахтмейстер считала, что в то время он находился в Лондоне, но Блаватская уверила Синнетта в обратном¹⁵². Следовательно, она могла получить его одобрение только почтой. Получив его, она сразу же уехала в Индию, сообщает графиня¹⁵³. Вернее, по пути в Индию она посетила обе Америки, поскольку хотела сперва увидеть Новый Свет.

¹⁵² Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 150.

¹⁵³ Вахтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной Доктрине», 1976, с. 57.

Глава 3

Новый Свет и мать Индия

Причиной, по которой Е. П. Блаватская стремилась увидеть Новый Свет, оказалось её желание познакомиться с мудростью индейцев¹⁵⁴. Но лишь годы спустя она сможет в полной мере оценить влияние этого решения на её деятельность. «Тайная Доктрина» учит:

...Даже сейчас, на наших глазах, новая раса и расы находятся в образовании, и что именно в Америке трансформация эта будет совершаться, и она уже тихо началась. Из чистых англо-саксонцев, едва 300 лет тому назад, американцы Соединённых Штатов уже стали отдельной народностью, и, благодаря сильной примеси различных национальностей и бракам между ними, они являются расой почти *sui generis*, не только умственно, но также и физически...

Таким образом, человечеству Нового Света, который гораздо старше нашего старого мира... назначено Кармой сеять семена для грядущей великой и гораздо более блестящей Расы, нежели все те, о которых мы знаем сейчас. За Циклами Материи будут следовать Циклы Духовности и вполне развитого разума¹⁵⁵.

Однако в 1851 г. Блаватская отправилась в Новый Свет именно ради знакомства с индейцами, о которых она прочла в романах Джеймса Фенимора Купера. Купив билет до Канады, она прибыла в Квебек, где её представили группе индейцев, от которых она надеялась узнать о секретах их народной медицины. Однажды они исчезли вместе с некоторыми её пожитками, прихватив в том числе и её любимые ботинки¹⁵⁶. В «Разоблачённой Изиде» она говорит о «печальных примерах скоротечного морального разложения» индейцев, причиной которого стала «жизнь в непосредственной близости от христианских миссионеров и чиновников»¹⁵⁷.

В скором времени был составлен новый план путешествия. Синнетт пишет:

На первых порах Е. П. Блаватская хотела встретиться лицом к лицу с мормонами, которые тогда начинали привлекать всеобщее внимание; но их город Науву в штате Миссури недавно пережил нападение буйствующей толпы их менее трудолюбивых и зажиточных соседей, а те немногие, кто уцелел в боине, направились через пустыню на поиски нового дома. Учитывая эти обстоятельства, Мексика показалась госпоже Блаватской привлекательным, пусть и опасным местом, в которое она отправилась, посетив перед этим Новый Орлеан¹⁵⁸.

Там она погрузилась в изучение магии вуду, но её посетило видение о том, что эта секта применяет опасные практики, и она сразу же её покинула. Синнетт продолжает:

Через Техас она направилась в Мексику. Ей удалось увидеть большую часть этой небезопасной страны, путешествуя под защитой собственной порой безрассудной отваги и случайных людей, которые время от времени заботились о её благополучии. С особой благодарностью она говорит о старом канадце, известном как отец Жак, которого она встретила в Техасе,

¹⁵⁴ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 61–66.

¹⁵⁵ Blavatsky H. P. The Secret Doctrine, T. 2, с. 444–46.

¹⁵⁶ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 61–62.

¹⁵⁷ Блаватская Е. П. Разоблачённая Изиды, Т. 2, с. 474. Сноска.

¹⁵⁸ Блаватская Е. П. Разоблачённая Изиды, Т. 1, с. 546, 547, 595–99.

когда осталась совершенно без дружеского общения. Он помог ей избежать опасностей, которые встретились на её пути в то время¹⁵⁹.

В 1852 г. путешествия привели её в Центральную и Южную Америку, где она посетила древние руины. Некоторые из этих приключений она описала в «Изиде»¹⁶⁰.

Решив, что пришло время отправиться в Индию, сообщает Синнетт, «она написала некому англичанину, которого встретила в Германии пару лет назад, и который, как ей было известно, имел схожие стремления, и предложила ему присоединиться к ней в Вест-Индии, с тем чтобы потом вместе направиться на восток». К ним присоединился ещё один попутчик, индус, которого Блаватская встретила в Гондурасе. Он оказался *чела*, то есть учеником великих мудрецов. «И вот трое странников в поисках таинственного отправились через мыс Доброй Надежды на Цейлон, откуда отплыли на корабле в Бомбей», в который прибыли в конце 1852 г. Затем их пути разошлись, «поскольку каждый из них преследовал свои цели»¹⁶¹.

Более подробные сведения о первом путешествии Е. П. Блаватской в Индию содержатся в её письме князю Дондукову, в котором она говорит о своём Учителе:

В Англии я видела его дважды, и во время нашей последней беседы он сказал мне: «Судьба твоя находится в Индии, но ты встретишь её позже, через 28 или 30 лет. А сейчас поезжай туда и посмотри страну». Я поехала туда – сама не знаю почему! Всё было словно во сне. Я провела там около двух лет, путешествуя по стране на деньги, которые мне перечисляли каждый месяц – кто это делал, я не имею ни малейшего понятия, и строго следуя данному мне плану маршрута. Я получала письма от моего индуса, но ни разу не видела его за прошедшие два года»¹⁶².

Перед отъездом из Индии Блаватская предприняла попытку проникнуть в Тибет через Непал, но была остановлена британским представителем¹⁶³. Эти и другие сведения она сообщила Синнетту через 30 лет после путешествия, когда подтвердить их было довольно сложно, что дало скептикам предлог для сомнений в их правдивости. Основным их аргументом было утверждение, что её путешествие в Индию могло состояться только на более позднем этапе её деятельности. Как бы то ни было, через два года после её смерти история с британским представителем чудесным образом подтвердилась.

В 1893 г. Олькотт с другом, находясь в Индии, ехал на поезде и встретил отставного офицера, генерал-майора Чарльза Мюррея. В разговоре прозвучало упоминание о принадлежности Олькотта к Теософскому обществу, и Мюррей рассказал, как много лет назад он не позволил Е. П. Блаватской въехать в Тибет. Олькотт записал детали задержания на обороте своего дневника за 1893 г., а Мюррей подтвердил написанное своей подписью:

3 марта 1893 г. С. В. Эдж и я повстречали в поезде между Налхати и Калькуттой генерал-майора Ч. Мюррея (в отставке), бывшего офицера бенгальской пехоты, ныне председателя муниципалитета Монгхира, который встретил Е. П. Блаватскую в 1854-м или 1855 г. в Панкабари, у подножия холмов Дарджилинга. В то время он командовал отрядом сапёров-минёров Себанди в звании капитана. Она пыталась попасть в Тибет через Непал, «чтобы написать книгу», и с этой целью хотела перебраться через реку Рунгит. Караул сообщил капитану Мюр-

¹⁵⁹ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 62–63.

¹⁶⁰ Sinnett A. P. Incidents, с. 64.

¹⁶¹ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 65–66.

¹⁶² Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 20.

¹⁶³ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 66.

рею о том, что заметил там какую-то европейскую леди, поэтому он последовал за ней и вернул её обратно. Она была сильно разгневана, но всё тщетно. Около месяца она провела с капитаном Мюрреем и его женой. Поняв, что её план не удался, она покинула их, а позже до капитана Мюррея дошли слухи, что её видели в Динаджпуре. В то время ей было около 30 лет.

Вышеизложенное верно.

Ч. Мюррей, генерал-майор

Поскольку вышеуказанный текст был тут же опубликован в апрельском выпуске издаваемого в Индии журнала «Теософист» за 1893 г.,¹⁶⁴ у Мюррея была возможность ознакомиться с собственными засвидетельствованными показаниями в печатном виде и опротестовать их в случае несогласия. Очевидно, никто не потрудился проверить историю Олькотта по военному доосье генерал-майора, пока в 1952 г. некая миссис Стэнли из Лондона не запросила более подробную информацию¹⁶⁵. Записи подтвердили, что в 1854-м и 1855 г. Мюррей был «коман-

¹⁶⁴ Olcott H. S. Traces of H.P.B., *The Theosophist*, Индия, апрель 1893, с. 429.

¹⁶⁵

диром отряда сапёров-минёров в Себанди». По словам Мэрион Миде, Мюррей «рассказал Олькотту, что в 1854-м или 1855 г. одна европейка пыталась пересечь границу, но была задержана стражей»¹⁶⁶. Тот факт, что Мюррей отдельно упомянул имя Блаватской, она утаила по вполне понятной причине. Миде, как и многие другие биографы Е. П. Блаватской, уверена в том, что в течение 10 лет, проведённых за пределами России, та не бывала в Индии, а предавалась

Whitehall WXX 2323

Ext.:

Your reference:

Please quote in reply: R. 519/52

COMMONWEALTH RELATIONS OFFICE

KING CHARLES STREET

20th LONDON S.W.1
February, 1952.

Dear Madam,

In reply to your letter of the 11th February, the following particulars relating to Major General Charles Murray (1826-1893) have been extracted from the military records of this Office:-

Charles Murray, born 17th March 1826, baptized 11th Feb. 1840 at St. Anne's, Westminster, was the son of James and Catherine Murray of Soho Square, Capt. in the East India Company's Service. (Cadet Papers, Vol: 95, No. 460).

Cadet: Bengal Infantry, 1841/42.
Ensign " " 1842.
Lieut. 70th Regt. Native Infantry 1851.
Commandant, Sebundy Sappers and Miners, 1854-55.
Captain Staff Corps, 18 Feb. 1861.
Major " " 18 Feb. 1863.
Lieut Colonel " 28 Dec. 1868.
Brevet Colonel, Retired 31 Dec. 1874 in India.
Major General, 25 January 1875.
Died at Monghyr. 30th Aug. 1893.

Yours faithfully,

Superintendent of Records.

Mrs M.L. Stanley,
61, Westbourne Park Road,
W.2.

¹⁶⁶ Meade M. Madame Blavatsky: The Woman Behind the Myth, c. 472.

безнравственной жизни в европейских столицах. Следовательно, рассказы о её путешествиях являются хитрыми отговорками, а её Учителя попросту не существуют.

Профессор Росон приводит доказательства того, что Блаватская в течение означенного периода дважды бывала в США и один раз в Индии. Что касается Индии, то письмо Росона, опубликованное в 1878 г., опровергает все обвинения в том, что она никогда не была на Востоке:

«Некоторые из моих знакомых встречали госпожу Блаватскую на Дальнем Востоке; другие лишь слышали о её пребывании там; например, известный врач и хирург, Дэвид Е. Дадли, практикующий в Маниле; мистер Фрэнк А. Хилл из Бостона, штат Массачусетс, который жил в Индии уже не первый год... Редактор нью-йоркского журнала „Строитель“, мистер Уильям О’Грэди родом из индийского города Мадрас, часто навещал госпожу Блаватскую в Нью-Йорке, познакомившись с ней в Индии.

Зачем я перечисляю эти доказательства? Даже одно принятое свидетельство имеет вес, при этом тысячи свидетельств будет недостаточно тем, кто упрямо отказывается верить»¹⁶⁷.

В 1854 г., после того как планы Е. П. Блаватской посетить Тибет были сорваны Мюрреем, она уехала из Индии. Князю Дондукову она написала, что получила от Учителя письмо: «Возвращайся в Европу и делай всё, что хочешь, но будь готова вернуться». Тогда Блаватская «купила билет на корабль „Гвалиор“, который потерпел крушение рядом с Мысом Доброй Надежды, но была спасена вместе с другими двумя десятками пассажиров»¹⁶⁸. Никаких подробностей случившегося обнаружить не удалось.

¹⁶⁷ Rawson A. L. Two Madame Blavatskys – The Acquaintance of Madame H. P. Blavatsky with Eastern Countries, *The Spiritualist*, 5 апреля 1878, с. 70–71. Это было написано 18 марта 1878 г. А. Л. Росоном, 84, Бонд-стрит, Нью-Йорк. Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, Т. 1, с. 357, Т. 2, с. 71–72.

¹⁶⁸ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 20.

Глава 4

Второй раз вокруг света

Когда Е. П. Блаватская вернулась в Англию, между Турцией и Россией вовсю шла Крымская война. В январе 1854 г. флотилии Британии и Франции вошли в Чёрное море, а в феврале император Николай I отозвал российских послов из Лондона и Парижа. Для русских, находящихся в Англии, это было непростое время, но, по словам Веры, её сестру там удерживал контракт (по-видимому, связанный с концертной деятельностью): «Благодаря своему выдающемуся музыкальному таланту, она стала членом филармонического общества»¹⁶⁹.

В июне 1854 г. Блаватская снова встретила своего Учителя. Она пишет: «Я встретила его в доме иностранца в Англии, куда он прибыл в сопровождении развенчанного индийского принца. Наше общение ограничилось двумя беседами, которые, произведя на меня сильное впечатление своей неожиданностью, странным характером и даже строгостью обращения, всё же, как и многие другие, канули в Лету»¹⁷⁰. Упомянутым ею «развенчанным индийским принцем» был, вероятно, Далип Сингх, свергнутый махараджа Лахора. Он прибыл в Саутгемптон 18 июня, а первого июля был представлен королеве Виктории¹⁷¹. После этого Елена Петровна покинула Англию и уехала в Нью-Йорк¹⁷².

Там она возобновила общение с профессором Росоном. По его словам, в то время шёл 1853 г., однако, 1854-й представляется куда более вероятным. Когда, будучи молодым художником, Росон впервые повстречался с Блаватской в Каире, ей было 29 лет. Вот как она выглядела в его глазах теперь, 22 или 23 лет от роду:

У неё было круглое лицо, подобное лику луны – очертания, которые так ценят на Востоке; взгляд её ярких, ясных глаз в минуты покоя был кроток, как у газели, но в гневе или возбуждении они сверкали змеиным блеском. Вся её юная фигура, до тех пор, пока ей не исполнилось 30, была полна гибкости, силы и гармонии, достойной восхищения художников. Её небольшие изящные кисти рук и ступни ещё сильнее подчеркивали нежность и свежесть юности, оставаясь такими до конца её жизни.

В обществе она слыла почти неотразимой, поскольку могла одной лишь короткой беседой расположить к себе любого мужчину, который был достаточно умён, чтобы не считать себя центром вселенной.

Однако её мало заботило восхищение мужчин, видевших в ней лишь привлекательную женщину, говорит Росон. «Она не переставала учиться, – вспоминает он, – трудилась без усталости и никогда не останавливалась на достигнутом. Больше света, больше фактов, новейших теорий, различных гипотез и предположений, вечное стремление к идеалу». [Журнал Фрэнка Лесли «Ежемесячник о популярном», февраль, 1892 г.]

* * *

Как сообщает Синнетт, из Нью-Йорка Блаватская «сначала направилась в Чикаго, в то время молодой город... а затем на дальний Запад», по пути «пересекла Скалистые горы с кара-

¹⁶⁹ Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской. *Ребус*, 1883, Т. 2, № 40, с. 357.

¹⁷⁰ Радда-Бай (Блаватская). Собрание сочинений Е. П. Блаватской: Из пещер и дебрей Индостана. – Уитон: The Theosophical Publishing House, 1975. – с. 272–273.

¹⁷¹ Радда-Бай (Блаватская). Собрание сочинений Е. П. Блаватской: Из пещер и дебрей Индостана, с. 273. Сноска.

¹⁷² Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 66.

ванами эмигрантов, пока не оказалась в Сан-Франциско», где села на корабль, отплывающий на Восток¹⁷³.

В классическом произведении Джона Унру «Через равнины» говорится о том, что «испытания переселенцев 1850-х гг.», – а именно в то время Блаватская направлялась на Запад – «были чрезвычайно сложными». Необходимость переправляться через бурные реки и пересекать обширные пространства раскалённых, безводных пустынь являлась лишь частью этих трудностей. Сломанное колесо телеги или павшие от изнеможения волы оборачивались для путешественников настоящей бедой. Они пересекали Скалистые горы через Южный Перевал в Вайоминге, на высоте двух тысяч метров.

После перевала через Скалистые горы многие путешественники, среди которых, по слухам, была и Е. П. Блаватская, останавливались в Солт-Лейк-Сити, чтобы отдохнуть и пополнить запасы. Известно, что Елена Петровна переночевала в доме последовательницы мормонства Эммелин Б. Уэллс (1828–1921), издательницы и редактора журнала «Образец женщины». Как рассказала миссис Уэллс внучке, Дейзи Вудс, на Блаватской были мужские ботинки, которые она надела специально для путешествия по горам и пустыням. Создавалось впечатление, что она находится на пути в Мексику¹⁷⁴. Унру отмечает, что «помимо отелей и столовых, многие переселенцы находили пристанище в домах мормонов во время остановки в Солт-Лейк-Сити»¹⁷⁵. Если Е. П. Блаватская в самом деле направилась в Мексику и, может быть, в другие страны Центральной и Южной Америки, она могла добраться до Сан-Франциско на одном из прибрежных судов, и уже оттуда пуститься в путь на Восток¹⁷⁶.

Первый взгляд, брошенный на Тихий океан, часто оставляет в памяти путешественников неизгладимое впечатление. Уолт Уитмен увековечил увиденный им морской пейзаж в стихотворении «Глядя на запад с берегов Калифорнии», которое рассказывает о том, как много лет назад он пустился в странствие на Запад из древней Индии, и вот теперь:

Глядя на запад с берегов Калифорнии,
Вопрошаю, упорно ищущее доселе неизвестное.
Я ребёнок, очень старый...
На пути к отчужденному дому... смотрю вдаль,
Гляжу с берегов моего западного моря,
Цикл почти завершён;
Пора отправляться на запад из Индостана,
Из долин Кашмира...
Как долго я бродил, скитался по всей земле,
Теперь, смотря в сторону дома, я рад и доволен,
(Но где то, на поиски чего я отправился давным-давно?
И почему оно до сих пор не найдено?)¹⁷⁷

Когда Е. П. Блаватская пересекала Тихий океан, приближаясь к Калькутте в 1855-м или 1856 г.,¹⁷⁸ возможно, она задавалась этим же вопросом: «Почему оно до сих пор не найдено?»

¹⁷³ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 66–67.

¹⁷⁴ Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, Т. 1, с. 41–42. Сноска. Янг Ф., письмо от 14 января. Архивы Б. Цыркова, The Theosophical Society, Уитон.

¹⁷⁵ Unruh Jh. The Plains Across. Чикаго, Иллинойс: University of Chicago Press, 1978, с. 311.

¹⁷⁶ Unruh Jh. The Plains Across, с. 401.

¹⁷⁷ Уитмен У. Листья травы. – Нью-Йорк: Modern Library. – с. 90, 91.

¹⁷⁸ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 67.

Глава 5

Мудрецы Востока

Вы, наверное, помните о том, что в первый раз Е. П. Блаватская отправилась в Индию по указанию своего Учителя, при этом ни разу его там не встретив. В новом путешествии всё было иначе. В следующих отрывках из «Разоблачённой Изиды» оба путешествия Е. П. Блаватской, по-видимому, слились в одно:

Давным-давно, во время наших¹⁷⁹ первых странствий на Востоке, когда мы исследовали его тайные, заброшенные святилища, два вопроса беспрестанно омрачали наши мысли: *Где, Кто и Что есть Бог? Видел ли кто-нибудь бессмертный дух человека, чтобы быть уверенным в его бессмертии?*

В то время как мы были целиком поглощены разрешением этих непостижимых вопросов, нам встретились несколько человек, наделённых такими таинственными силами и глубокими знаниями, что их можно было с полным на то основанием назвать мудрецами Востока... Они показали нам, что, *сочетая науку с религией* [курсив С. Крэнстон], доказать существование Бога и бессмертие человеческого духа не сложнее, чем теорему Евклида.

Мы впервые уверились в том, что в восточной философии есть место только одной вере – абсолютной, непоколебимой вере во всемогущество собственного бессмертного «Я» человека. Нам поведали, что это всемогущество происходит от родства человеческого духа с Всемирной Душой – Богом! Но Бог, сказали они, может проявиться только через человеческий дух. Дух человека доказывает существование духа Бога, как капля воды доказывает существование источника, из которого она проистекла. (ч. VI)

Посему, добавляет Блаватская, когда кто-то видит человеческое существо, как и эти мудрецы Востока, «проявляющее невероятные способности, управляющее силами природы и устанавливающее связь с миром духов, ум, склонный к размышлениям, тотчас же утверждает во мнении, что, коль скоро человеческое духовное Я может делать такие вещи, могущество Духа Отца¹⁸⁰ должно быть настолько же обширнее, насколько мощь и величина океана превосходят каплю. Из ничего ничто не происходит; докажите, что у человека есть душа, явив миру её чудесные силы – и вы докажете, что есть Бог!.. Это знание бесценно; и оно скрыто только от тех, кто его игнорирует, высмеивает или отрицает само его существование»¹⁸¹.

* * *

Е. П. Блаватская писала Синнетту о своей жизни в Индии в 1856 г.: «Я переезжала с место на место, никому не говоря, что я русская, и обо мне думали лишь то, что я сама хотела... Если бы мне пришлось описать этот год, проведённый в Индии, то получилась бы целая книга»¹⁸².

Часть её приключений в Индии и вправду вошли в книгу «Из пещер и дебрей Индостана»¹⁸³. Первоначально это был цикл очерков, которые она написала с 1878 по 1886 гг. под псевдонимом Радда-Бай, и которые были опубликованы в «Московских ведомостях» под

¹⁷⁹ В «Разоблачённой Изиде» Е. П. Блаватская постоянно использует местоимение «мы».

¹⁸⁰ В более поздних сочинениях Блаватской подразумевается, что Бог не имеет пола. В «Тайной Доктрине» она отмечает, что выражение «Бог Отец» не более чем «антропоморфная выдумка».

¹⁸¹ Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида, Т. 1, с. 67.

¹⁸² Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 151.

¹⁸³ Радда-Бай (Блаватская). Собрание сочинений Е. П. Блаватской: Из пещер и дебрей Индостана.

редакцией именитого русского журналиста М. Н. Каткова. Очерки вызвали живой интерес у читателей, поэтому в 1883 г. их издали повторно, включив в приложение к журналу Каткова «Русский вестник», а затем продолжили публикацию цикла. В литературном отделе этого журнала публиковались знаменитые писатели, в числе которых Толстой и Тургенев.

В книге «Из пещер и дебрей Индостана» в художественной форме описывается часть путешествий Блаватской с её Учителем, который появляется там под вымышленным именем Гулаб Сингх¹⁸⁴. «Я пишу о реальных событиях и персонажах, – признаётся она Синнетту, – всего лишь сократив временной промежуток до трёх-четырёх месяцев, хотя в реальности все факты, явления и некоторые феномены моего Учителя происходили на протяжении нескольких лет»¹⁸⁵. По её словам, многие из них случились во время её второго путешествия в Индию. Зинаида Венгерова рассматривает этот цикл очерков в своей статье, посвящённой жизни Е. П. Блаватской, вошедшей в «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных» (1892).

В целом критически настроенная по отношению к некоторым этапам карьеры Блаватской, Венгерова тем не менее не скупилась на похвалы, оценивая эту книгу:

Произведение «Из пещер и дебрей Индостана» нельзя ставить в один ряд с обыкновенными красочными описаниями заморских стран. Здесь автор выступает не в качестве любознательной путешественницы, описывающей увиденные ею чудеса. Скорее она предстаёт в роли члена научной экспедиции, изучающей основы истории человечества по застывшей цивилизации Индии. Эта цель неизменно присутствует в повествовании Радды-Бай, что придаёт ему особый шарм. Автор подчёркивает каждую деталь, которая указывает на великое прошлое этой ныне укрепившейся нации. Она так просто и в то же время образно описывает величественные здания, разбросанные по Индии с незапамятных времен и нетронутые прошедшими веками... Но куда больше, чем всевозможные произведения искусства, демонстрирующие величие индийской цивилизации, или живописные пейзажи, в описании которых реальность многократно превосходит самое живое воображение, её внимание привлекает образ жизни местного населения... ведь, куда бы она ни направлялась, она жила не в европейских кварталах, а в индийских бунгало, среди коренных жителей...

Читая её книгу, не следует ни на минуту забывать о том, что Радда-Бай в первую очередь является теософом, что она отправилась в Индию на поиски тайных знаний востока, поэтому её внимание прежде всего направлено на учения индийских мудрецов... Особенно её интересует мистическая школа раджа-йогов, божественных мудрецов, развивших в себе духовные способности до такой степени, что научились творить абсолютно чудесные вещи. Один из раджа-йогов, Гулаб Сингх, которого она знала лично... отвечал на её невысказанные вопросы; исчезал и появлялся, когда этого меньше всего ожидали; открывал путешественникам тайные ходы в горах, ведущие к подземным святилищам, и делал многое другое. И он делал всё это без особых усилий, попутно весьма правдоподобно объясняя свои действия. Многие из феноменов Гулаба Сингха, описанные Блаватской, напоминают те, которые она сама впоследствии совершала. Возможно ли, что именно от таинственного Гулаба Сингха она научилась «создавать» и дезинтегрировать предметы?¹⁸⁶

Книга «Из пещер и дебрей Индостана» была впервые частично переведена на английский язык в 1892 г. племянницей Е. П. Блаватской, Верой Джонстон. Сегодня существует ещё один перевод, объёмом более 700 страниц, доступный в цикле Собрание сочинений Блаватской. В

¹⁸⁴ Блаватская Е. П. Беседы с Блаватской, Т. 2, с. 21.

¹⁸⁵ Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 153. Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, Т. 13, с. 210.

¹⁸⁶ Венгерова З. *Критико-биографический словарь русских писателей и учёных.*

настоящий момент готовится к публикации второй том русских сочинений, который станет продолжением цикла.

* * *

Потерпев неудачу в попытке проникнуть в Тибет через Непал во время первого путешествия в Индию, Блаватская снова попробовала попасть туда через Кашмир. В своём отчёте о встрече с генерал-майором Мюрреем, который сорвал первую попытку, полковник Олькотт добавляет:

В одной из официальных поездок по северу Индии я напал на след её очередной попытки посетить Тибет в лице индийского господина, живущего в Барейлли. Как только Е. П. Блаватская прибыла на станцию по приезде в Индию (1879), этот господин узнал в ней ту европейскую даму, которая много лет назад оказалась у него в гостях, когда направлялась на север, чтобы через Кашмир добраться до Тибета. Они приятно побеседовали о былых временах¹⁸⁷.

Кашмир находится в северо-западной части Индии, и некоторые из его районов некогда носили название Малый Тибет. Севернее располагается западный Тибет, который Блаватская посетила во время этой поездки. Тем не менее ей не удалось побывать в сердце оккультизма, восточном Тибете, где часто проживал её Учитель с другими адептами. Там же находится и Лхаса, столица страны и резиденция Далай-ламы.

Как сообщает Синнетт, перед путешествием в западный Тибет Е. П. Блаватская встретила в Лахоре с другом отца, бывшим лютеранским священником, немцем по фамилии Кюльвайн. Узнав о том, что он с друзьями собирается в путешествие по Востоку, полковник Ган, обеспокоенный благополучием дочери, попросил его разыскать её¹⁸⁸.

Вчетвером они пересекли Кашмир в сопровождении татарского шамана, который направлялся домой в Сибирь после 20-летнего отсутствия. Шаман примкнул к Блаватской в надежде на её заступничество перед русскими властями, от которых ему нужно было получить разрешение на въезд.

Всячески маскируясь под местных жителей, они попытались попасть в Тибет. Кюльвайн заболел и был вынужден вернуться. Его друзьям не позволили пересечь границу, пропустив лишь шамана и Елену Петровну. Её монгольские черты, по-видимому, были лучшей маскировкой. О некоторых из этих своих приключений она повествует в «Изиде». Одно из них связано с талисманом, который шаман всегда носил под левой рукой:

«Зачем тебе этот талисман и в чём его ценность?» – этот вопрос мы часто задавали нашему проводнику. Он никогда не давал прямого ответа, всячески избегая разъяснений, но обещал, что, как только предоставится возможность и мы останемся наедине, он позволит камню «самому ответить». С этой весьма неопределённой надеждой нам оставалось довольствоваться лишь собственным воображением. Но вскоре наступил день, когда камень наконец «заговорил».

Это произошло в самый отчаянный период нашей жизни, в то самое время, когда натура скитальца увлекла писательницу в далёкие земли, где не было ни цивилизации, ни малейшей уверенности в собственной безопасности.

¹⁸⁷ Olcott H. S. *Traces of H.P.B.*, с. 429.

¹⁸⁸ Sinnett A. P. *Incidents in the Life of Madame Blavatsky*, с. 67–72. Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 151.

Однажды население деревни, в которой они жили, отправилось наблюдать за буддистской церемонией, что предоставило шаману возможность продемонстрировать способности камня.

Он достал из-за пазухи небольшой камень размером с грецкий орех и, бережно развернув его, как нам показалось, проглотил. Спустя несколько мгновений конечности его застыли, тело окаменело, и он упал, холодный и недвижимый, как труп. Если бы губы его не шевелились едва заметно, отвечая на заданные вопросы, зрелище было бы совсем неприятным и даже пугающим. За два с лишним часа мы получили самые живые, несомненные доказательства тому, что астральная душа шамана путешествовала где-то, исполняя наше невысказанное желание.

Е. П. Блаватская попросила душу шамана посетить её подругу, румынку из Валахии, и рассказать, о чём она думает в настоящий момент. Голос возвестил, что старушка сидит в саду, читая письмо. Е. П. Блаватская поспешно схватила бумагу и перо, чтобы записать слова, которые голос медленно произносил на валашском наречии, которым она не владела, но узнала по звучанию. Позже она написала женщине письмо, спросив о её занятиях в тот самый день. «Будучи мистиком по натуре, но убеждённым скептиком во всём, что касалось подобных оккультных феноменов», подруга ответила ей, что «в то утро она сидела в саду и варила варенье; письмо, которое отправила ей Блаватская, слово в слово повторяло письмо, которое она получила от своего брата; совершенно внезапно – как ей казалось, из-за жары – эта женщина потеряла сознание, и ей хорошо помнится, что она видела писательницу в пустынном месте, которое подробно описала; по её словам, та сидела под „цыганским шатром“». «С этого времени, – добавляет Елена Петровна, – мои сомнения развеяны!.. Время в Бухаресте в точности совпадало с тем временем, когда произошло это явление».

Е. П. Блаватская продолжает:

Но наш эксперимент оказался ещё убедительнее. Мы направили внутреннее «Я» шамана к человеку, ранее упомянутому в этой главе, качи из Лхасы, который постоянно путешествует в британскую Индию и обратно. Нам известно, что он был уведомлён о нашем критическом положении в пустыне; поскольку через несколько часов подоспела помощь, и мы были спасены двумя десятками всадников. Их предводитель указал им точное место, где нужно искать, чего обыкновенный человек, не наделённый сверхъестественными способностями, сделать никак не мог. Предводителем всадников был Шаберон, «адепт», с которым мы никогда не сталкивались ни до, ни после этого случая, поскольку он никогда не покидал свой сумэ (ламаистский монастырь), а нас туда не пускали. Однако он был близким другом этого качи¹⁸⁹.

«Это происшествие, – говорит Синнетт, – положило конец странствиям госпожи Блаватской в Тибете», и «её проводили обратно до границы по дорогам и проходам, о которых она до этого не знала...» Он добавляет, что «её оккультный хранитель повелел, чтобы она покинула страну незадолго до бед, обрушившихся на Индию в 1857 г.». Имеются в виду восстания сипаев, которые вспыхнули в мае и очень быстро распространились, поставив под угрозу британское правление. По указанию Учителя Е. П. Блаватская отправилась из Мадраса на остров Ява на борту голландского судна «ради определённой задачи»¹⁹⁰. Позже она вернулась в Европу.

¹⁸⁹ Блаватская Е. П. Разоблачённая Изида, Т. 2, с. 598, 626–628.

¹⁹⁰ Sinnett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 72. Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 151.

Часть 3 Зрелые годы

Глава 1 Возвращение в Россию

Был рождественский вечер, 1858 г. близился к концу. Полковник Ган с младшей дочерью Верой присутствовали на свадьбе в Пскове, недалеко от Санкт-Петербурга. Вера, оставшаяся к тому времени вдовой с двумя детьми, приехала к родственникам покойного мужа, Яхонтовым, чтобы провести зиму с ними. В их имении и проходило свадебное торжество.

«Все уже сидели за банкетным столом, – вспоминает Желиховская, – кареты с гостями прибывали одна за другой, и колокольчик, возвещающий об их прибытии, звенел без умолку. Когда друзья жениха поднялись с мест, держа в руках бокалы с шампанским, чтобы пожелать молодым всего наилучшего – в России это крайне торжественный момент – колокольчик вновь нетерпеливо зазвенел». Вера, «движимая неукротимым порывом, невзирая на то, что приходящая была полна слуг, вскочила с места и, ко всеобщему изумлению, помчалась сама отворять двери. Она была уверена в том, что это её сестра!». Действительно, там, на пороге, стояла госпожа Блаватская!»¹⁹¹

Вернувшись из Индии, Е. П. Блаватская провела несколько месяцев во Франции и Германии, а затем ненадолго приехала навестить родню в Санкт Петербург. Её тётка Надежда оказалась первой родственницей, с которой она связалась, попросив не рассказывать о своём приезде остальным. Блаватская опасалась, что её муж станет требовать супружеских прав, и попросила Надю, которая на тот момент жила в Тифлисе, установить связь с Никифором. Тот ответил:

Передайте Елене Петровне, что я даю слово чести никогда не преследовать её... С того момента, как со мной приключилось это несчастье, и вследствие его, я тружусь над своим характером, чтобы ничто не могло меня ранить. Часто я даже смеюсь над глупостями, которые когда-то совершал... Человек может привыкнуть ко всему. Так и я привык к безрадостной жизни в Эривани без Елены¹⁹².

По приезде сестры в Псков Вера вполне естественно ожидала подробного описания её странствий, но узнала лишь, что Елена «путешествовала по Европе, Америке и Азии»¹⁹³. Позже, объясняя свою немногословность Синнетту, Е. П. Блаватская написала: «С 17 до 40 я прилагала все усилия для того, чтобы не оставлять следов во время путешествий... Я не хотела, чтобы люди знали, где я была и что я делала. Мои родственники, несомненно, предпочли бы, чтобы я занималась чем-то обыденным, вместо того чтобы изучать оккультизм». Для этих людей увлечение подобными науками означало, что она «продана дьяволу»¹⁹⁴.

¹⁹¹ Желиховская В. П. Необъяснимое или необъяснённое. – *Ребус*, Т. 3, с. 4, 41. Sennett A. P. Incidents in the Life of Madame Blavatsky, с. 76–77, пер. Е. Юнг, Нью-Джерси. Архивы Крэнстон, Санта-Барбара, Калифорния.

¹⁹² Letters from H.P.V.'s Husbands, *The Theosophist*, август 1959, с. 295–296, письмо 1 от генерала Блаватского госпоже Н. А. Фадеевой.

¹⁹³ Желиховская В. П. Правда о Елене Петровне Блаватской. Т. 2. № 40 (1883). – *Ребус*, с. 357.

¹⁹⁴ Блаватская Е. П. Письма Е. П. Блаватской А. П. Синнетту, с. 154.

Уже после основания Теософского общества Блаватская ответила на настойчивые вопросы злопыхателей о её прошлом:

Даже самым близким друзьям я никогда не рассказывала ничего, кроме отрывочных и общих сведений о моих странствиях, и впредь я не собираюсь потакать любопытству других, меньше всего – моих врагов. Последние вольны верить во что угодно, распускать столько небылиц обо мне, сколько им вздумается, и придумывать новые истории, так как старые со временем приходят в негодность. Почему бы им не делать этого, если они не верят в теософских адептов (учителей мудрости)?¹⁹⁵

Доброжелательно настроенному собеседнику она дала другой ответ: «В истории моей жизни есть несколько страниц, о которых я никогда не говорю. Я скорее умру, чем раскрою их тайну, но не потому, что я их стыжусь, а потому что для меня они слишком священны»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Письмо Блаватской редактору журнала «Лайт», Лондон, опубликованное 27 июля 1889. Блаватская Е. П. Собрание сочинений Е. П. Блаватской, Т. 2, с. 363. (Отсылка к встрече с К. Х. была опущена в версии A Modern Paparion.)

¹⁹⁶ Блаватская Е. П. Письмо Сидни и Герберту Корин, 2 ноября 1889. Архивы Теософского общества, Пасадена.

Глава 2

Оккультные чудеса

Вера Желиховская в серии очерков о своей сестре, опубликованных в русском журнале «Ребус», пишет:

Люди, читающие газеты и журналы, должно быть, не раз встречали в них имя Елены Петровны Блаватской. Едва ли возможно перечислить все рассказы и нелепости, с которыми на неё нападали её собственные соотечественники – от обмана и мошенничества до тяжких преступлений. Мы достаточно близко знаем Е.П. с самого детства до зрелых лет и давно стремились написать несколько ознакомительных очерков о ней для тех, кого интересует эта неординарная личность. Нас не волнует, поверят ли в правдивость нашей истории, нам достаточно знать самим, что рассказанное нами чистая правда – по-видимому, единственная правда, когда-либо сказанная о ней в России.

Обе серии оказались настолько популярными, что их вскоре опубликовали в форме двух буклетов.

Когда Е. П. Блаватская возвратилась в Россию, Вера вспоминает, что «её окружала таинственная атмосфера, полная зрительных и звуковых явлений, которые были заметны, но совершенно чужды и непонятны окружающим»¹⁹⁷. Позже Блаватская сказала У. К. Джаджу, сооснователю Теософского общества, что «в тот период она позволила собственным психическим силам свободно проявляться, обучаясь в полной мере понимать и контролировать их»¹⁹⁸

¹⁹⁷ Желиховская В. П. Елена Петровна Блаватская: биографический очерк, *Русское обозрение*, Т. 6. (Ноябрь 1891), с. 250.

¹⁹⁸ Judge W. Q. The Esoteric She, *The Sun*, Нью-Йорк, 26 сентября 1892.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.